UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00295352 9

PG
3321
C6Z79

Пометки хим. кабинетами.

20/XII.54. Al

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

PY178

8(с) Черн
1-631

Книгоиздательство Е. Д. Мягкова
„КОЛОКОЛЪ“.

Вторая библіотека.

Подъ редакціей Ф. Дѣдова, Н. Максимова, С. Нечетнаго и А. Рудина.

№ 9.

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“.

П. Ф. Николаевъ.

ЛИЧНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ

О ПРЕБЫВАНІИ

НИКОЛАЯ ГАВРИЛОВИЧА ЧЕРНЫШЕВСКАГО

ВЪ КАТОРГѢ

(Въ Александровскомъ заводѣ)

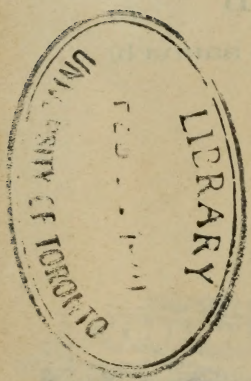
1867—1872 гг.

Цѣна **15** коп.

105494

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пимен. ул., с. д.
Москва—1906.

PG
3321
C6Z79



Личныя воспоминанія о пребываніи Николая Гавриловича Чернышевскаго въ каторгѣ (въ Александровскомъ заводѣ) 1864—1872 гг.

Кто зналъ его, забыть не можетъ;
Тоска по немъ грызетъ и гложетъ,
И часто мысль туда летитъ,
Гдѣ гордый мученикъ зарытъ.

Познакомились мы съ Чернышевскимъ далеко, очень далеко отъ всякихъ культурныхъ центровъ, въ глуши, въ Забайкальской области. Если я назову ту мѣстность, гдѣ я впервые увидалъ его, читатель наврядъ ли найдетъ ее на картѣ Сибири [1]). Потому скажу только, что наше зна-

---

[1]) Александровскій заводъ, о которомъ идетъ рѣчь въ текстѣ, принадлежалъ къ системѣ нерчинскихъ заводовъ. Раньше въ немъ шла выплавка свинцово серебряной руды. Въ началѣ 60-хъ годовъ онъ былъ упраздненъ, и рабочіе перечислены въ крестьянъ. Александровскій заводъ — большое и торговое село. Въ 66 году, въ ожиданіи большого количества каторжанъ—государственныхъ преступниковъ, а также вслѣдствіе возстанія политическихъ поляковъ на круго-байкальской дорогѣ, въ заводѣ было образовано особое комендантское управленіе съ довольно большимъ штатомъ офицеровъ. Коменданту, кромѣ Александровскаго завода, были подчинены рудники Кадая (бывшее мѣстопребываніе Чернышевскаго и М. Н. Михайлова), Кличка, Алгачи и Акатуй, старая тюрьма декабристовъ, гдѣ убитъ былъ Лунинъ. Комендантъ былъ непосредственно подчиненъ генералъ-губернатору Восточной Сибири и третьему отдѣленію и не находился въ зависимости отъ мѣстнаго губернатора Забайкальской области. Стражу составляло такъ называемое унтовое войско, т.-е. пѣшіе забайкальскіе казаки, обурятившіеся русскіе. Первымъ комендантомъ былъ нѣкто Кноблохъ, бывшій студентъ московскаго университета, въ трид-

комство произошло въ 200-хъ верстахъ отъ Нерчинска, въ небольшой комнатѣ, достаточно свѣтлой, съ неизбѣжными въ такихъ мѣстахъ, хотя, по правдѣ сказать, достаточно проржавленными и ветхими рѣшетками въ окнахъ. Комната была только недавно выбѣлена и еще попахивала известью; по стѣнамъ ея стояло пять или шесть простыхъ деревянныхъ кроватей и три или четыре бѣлыхъ, некрашеныхъ столика. Мы — насъ было шесть человѣкъ — только что вошли въ эту комнату, въ которой должны были жить, думать, страдать и, если сумѣемъ, наслаждаться жизнью цѣлыхъ пять лѣтъ. Мы бесѣдовали съ обитателями дома, поселившимися тамъ раньше насъ. Разговоръ тянулся достаточно вяло, какъ всегда бываетъ между совсѣмъ незнакомыми людьми, которымъ однако придется прожить буквально бокъ о бокъ, кто знаетъ, можетъ быть и цѣлую жизнь. Вялости и нѣкоторой принужденности разговора способствовало и то обстоятельство, что вновь прибывшіе не въ маломъ смущеніи поглядывали на дверь, въ которую, какъ мы знали, скоро долженъ былъ войти Николай Гавриловичъ.

цатыхъ годахъ прошлаго вѣка заподозрѣнный въ государственномъ преступленіи и сосланный рядовымъ въ сибирскіе линейные баталіоны. Онъ впослѣдствіи дослужился до чина полковника, и ему дали мѣсто коменданта для полученія генеральскаго чина и пенсіи. Онъ очень дорожилъ своимъ спокойствіемъ, и этимъ вѣроятно объясняется тотъ сравнительно мягкій режимъ, которымъ въ то время пользовались ссыльные. Въ заводѣ остались отъ прежняго управленія 4 ветхія и небольшія зданія, которыя и были превращены въ тюрьмы. Назывались они: 1-й номеръ (человѣкъ на 150), казармы (около 100 человѣкъ), контора (гдѣ потомъ помѣщался Н. Г. Чернышевскій), и полиція, гдѣ помѣщались русскіе государственные преступники. Населеніе этого послѣдняго „замка“ состояло изъ слѣдующихъ лицъ: Н. Г. Чернышевскій, 6 человѣкъ каракозовцевъ, Д. Юрасовъ, П. Ермоловъ, Н. Странденъ, В. Шагановъ и П. Николаевъ. Н. А. Ишутинъ былъ привезенъ черезъ годъ и пробылъ только недѣлю, его увезли въ Алгачи. Прибывшія раньше, въ началѣ 60-хъ годовъ, лица были за недѣлю или двѣ до нашего пріѣзда переведены въ Александровскій заводъ изъ разныхъ рудниковъ. Перечислю ихъ фамиліи: П. Д. Баллодъ (студентъ петербургскаго университета, по дѣлу типографіи; по его дѣлу былъ арестованъ и осужденъ Писаревъ),

Мы, пожалуй, боялись его, пока не знали; во всякомъ случаѣ конфузились. Такъ боятся строгаго, но любимаго учителя, такъ неопытные влюбленные юноши иногда боятся предмета своей страсти. И хочется имъ видѣть этотъ предметъ поскорѣй, хотя бы глазкомъ взглянуть, и страшно. Теперь, когда вспоминаешь о томъ чувствѣ, съ которымъ мы тогда поглядывали на низенькую, обитую войлокомъ дверь, становится просто смѣшно. Но тогда намъ совсѣмъ не было смѣшно. Думалось о томъ, что такое мы въ сравненіи съ нимъ. Мы—произведеніе русской почвы того времени, почвы, едва только освобожденной отъ плевелъ крѣпостного права; мы, вынесшіе въ своемъ нерадостномъ дѣтствѣ на своихъ еще далеко не окрѣпшихъ плечахъ непосильную тяжесть падающаго, но никакъ не хотѣвшаго отойти въ вѣчность уклада; мы, озлобленные послѣдними усиліями этого уклада сохранить за собою власть, изломанные, протестующіе; мы—разночинцы и кающіеся дворяне, несущіе въ своей душѣ проклятіе за грѣхи прошлаго и безумно ринувшіеся въ со-

---

С. Г. Стахевичъ (студентъ Медицинской Академіи), М. Д. Муравскій (впослѣдствіи умершій въ централкѣ, осужденный по процессу 193), Степановъ и капитанъ Жуковъ (по дѣлу первой „Земли и воли“), Васильевъ и Волковъ (по дѣлу о распространеніи прокламацій въ Петербургѣ), поручикъ Михайловъ (по дѣлу организаціи на Волгѣ военныхъ; умеръ въ Александровскомъ заводѣ), полковникъ Красовскій (начальникъ эскадрона Черниговскаго полка, по дѣлу о пропагандѣ среди офицеровъ и солдатъ; убитъ проводникомъ-казакомъ при попыткѣ бѣгства), поручикъ Крушевскій изъ сибирскихъ баталіоновъ (по дѣлу о сочувствіи покушенію Каракозова) и нѣкто Масловъ (экономъ изъ Западнаго края, выданный крестьянами по обвиненію въ оскорбленіи Величества). Позже прибыли: поручикъ Кувязевъ (по распространенію прокламацій), фельдъегерь Климовъ (по обвиненію въ сочувствіи Каракозову) и три солдатика (по обвиненію въ оскорбленіи Величества). Позже въ „полицію“ были переведены нѣсколько человѣкъ поляковъ изъ забайкальскихъ возстанцевъ по ихъ просьбѣ и съ нашего согласія. Въ числѣ ихъ былъ и одинъ изъ начальниковъ упомянутаго возстанія, вѣчный каторжникъ и прикованный къ тачкѣ, Арцимовичъ.

Такова была довольно смѣшанная компанія, составлявшая постоянную аудиторію Н. Г. Чернышевскаго.

всѣмъ неизвѣстное будущее; мы, юнцы,—старшему-то изъ насъ едва было 25 лѣтъ,—оторвавшіеся отъ реальной жизни, знающіе только ея мракъ и горе и, несмотря на то, какъ всѣ юнцы того времени, упорные идеалисты. Какъ мы чувствовали себя ничтожными по сравненію съ нимъ, авторомъ «Примѣчаній къ Миллю», статей объ общинѣ, авторомъ «Что дѣлать?»!.. Какимъ ореоломъ мысли и страданія былъ освѣщенъ для насъ его образъ,—ореоломъ, свѣтящимся до боли въ глазахъ, до мучительнаго страданія нервовъ. Кто помнитъ себя молодымъ въ то время, тотъ пойметъ, хотя отчасти, волновавшія насъ тогда чувства. Тогда мы были такъ скромны, такъ застѣнчивы. Такъ застѣнчивы бываютъ неглупыя и самолюбивыя дѣти; тогда, пожалуй, мы и были такими дѣтьми. Мы не понимали еще тогда, что кто замыслы большіе имѣетъ, тотъ и малаго не обидитъ; не понимали и того, что у насъ есть нити, соединяющія насъ съ тѣмъ ореоломъ, который освѣщаетъ Николая Гавриловича, что нити эти совсѣмъ простыя, совсѣмъ не ослѣпительныя, что эти нити—интересы мысли и научнаго изслѣдованія, къ которымъ и мы тоже тяготѣли. Всего этого мы тогда не понимали и боялись, любя. И вотъ онъ вошелъ. Мы видѣли его карточки, знали его наружность, слыхали очень много разсказовъ—и все-таки были разочарованы. О, эта юность! Какія странныя настроенія и какія разочарованія создаетъ она себѣ. При нашемъ настроеніи благоговѣйнаго трепета мы инстинктивно, сами о томъ не думая, ждали отъ Николая Гавриловича чего-то героическаго. Конечно, не трубныхъ звуковъ какихъ-нибудь, а такъ чего-нибудь героическаго; въ глазахъ, въ выраженіи лица,—однимъ словомъ, чего-нибудь необычнаго. И увидѣли самое обыкновенное лицо, блѣдное, съ тонкими чертами, съ полуслѣпыми сѣрыми глазами, въ золотыхъ очкахъ, съ жиденькой бѣлокурой бородкой, съ длинными, нѣсколько спутанными волосами. Часто по нашимъ погостамъ попадаются дьячки съ такою наружностью; какъ теперь вижу его—въ своемъ неизмѣнномъ халатикѣ на бѣломъ барашкѣ, съ которымъ онъ разставался только въ

сильныя жары; въ мягкихъ валенкахъ, въ маленькой черной барашковой шапкѣ, которую рѣдко снималъ даже тогда, когда писалъ или обѣдалъ; съ своимъ визгливымъ голосомъ, съ нервной, пошатывающейся походкой, съ неуклюжими, размахивающими руками Николай Гавриловичъ отнюдь не походилъ на героя.

Мы были разочарованы и — успокоены. Какъ только онъ вошелъ, такъ и легко стало. Если бы мы могли тогда вслухъ выразить наше впечатлѣніе, то навѣрное оно вылилось бы въ восклицаніи: «да какой же онъ простой!» Простой!—именно это и было настоящее слово. И чѣмъ больше мы узнавали его, тѣмъ для насъ яснѣе становилось, что въ этой именно простотѣ и таилась та притягательная сила, которую чувствовали всѣ, кому пришлось узнать его. Обыкновенный сибирскій мужикъ, деревенскій кулакъ, обурятившійся или объякутившійся казакъ, даже тѣ, кому было предоставлено вязать и рѣшать нашу судьбу,—всѣ, буквально всѣ чувствовали эту притягательную силу. Я не забуду, какъ одинъ дьячекъ, совсѣмъ простой, малограмотный человѣкъ, у котораго жилъ на квартирѣ Чернышевскій и съ которымъ онъ, навѣрное, не сказалъ ни одного слова, на мой вопросъ о здоровьѣ его квартиранта, отвѣтилъ: «все пишетъ, все пишетъ, сердечный». И такою любовью были полны эти простыя слова, такимъ дѣтскимъ умиленіемъ сіяло его лицо, что я почувствовалъ себя какъ бы роднымъ по чувству съ этимъ полупьянымъ и достаточно дикообразнымъ дьячкомъ. Простые люди сердцемъ чувствовали ту душевную простоту, которой вѣяло отъ Николая Гавриловича. Ею ему удавалось покорять даже враговъ и супостатовъ, вообще злобствующихъ на всѣхъ и на вся. По этой простотѣ Николай Гавриловичъ былъ истымъ, инстинктивнымъ демократомъ, въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого слова, человѣкомъ труда, человѣкомъ народа, братомъ всякому человѣку труда, всякому мужику, всякому простому человѣку, и притомъ безъ фразъ, безъ предвзятыхъ намѣреній, можно сказать, безъ убѣжденій, просто одной вотъ этой самой святой простотой, которая

сразу почувствовалась при его входѣ въ комнату и успокоила насъ.

Н. Г. обладалъ замѣчательнымъ умѣніемъ говорить съ простыми людьми, находя надлежащія, идущія прямо къ сердцу и уму такихъ людей, слова. Приведу одинъ случай, доказывающій это. Дѣло было уже во время пребыванія его не въ нашемъ замкѣ, не въ «полиціи», а въ «конторѣ», въ средѣ ссыльныхъ поляковъ. Впрочемъ, раньше надо сообщить читателю, какимъ образомъ Н. Г. попалъ въ эту среду. Я уже упоминалъ, что полковникъ Красовскій былъ убитъ при попыткѣ бѣгства. Года черезъ полтора послѣ нашего пріѣзда комендантъ Кноблохъ возбудилъ въ Петербургѣ вопросъ о примѣненіи къ государственнымъ преступникамъ той статьи устава о каторгѣ, на основаніи которой каторжные, пробывъ $^1/_3$ срока своего наказанія, могутъ быть освобождены на квартиры въ мѣста ихъ ссылки и образовать такъ называемую «вольную команду». Отвѣтъ былъ благопріятный и троихъ человѣкъ—Чернышевскаго, полковника Красовскаго, Маслова — выпустили изъ-подъ стражи на квартиру. Красовскій давно уже мечталъ о бѣгствѣ; какъ разъ въ это время онъ получилъ довольно крупную сумму денегъ (что-то около 400 рублей), которая и была ему выдана на руки, какъ состоявшему въ «вольной командѣ» (содержащіеся въ «замкѣ» имѣли право получать не болѣе 25 руб. въ мѣсяцъ—исключенія не дѣлали даже и для Чернышевскаго). Конечно, такое событіе, какъ полученіе такой крупной суммы, не могло остаться въ секретѣ. Вотъ тутъ-то и явился одинъ казакъ изъ штрафованныхъ съ Дона со своими предложеніями. Я еще раньше видѣлъ этого казака на послѣднемъ передъ заводомъ этапѣ, и онъ произвелъ на меня впечатлѣніе отчаяннаго и на все готоваго человѣка. При встрѣчѣ онъ намекалъ и мнѣ на возможность бѣгства и дѣлалъ неопредѣленныя предложенія въ этомъ смыслѣ, которыя я и товарищи отклонили. Красовскій попался на удочку. Между ними было условлено, что казакъ выведетъ за извѣстное вознагражденіе Красовскаго на Амуръ таежными тропами, а оттуда Красовскій по Амуру

доберется до моря и на какомъ-нибудь пароходѣ уѣдетъ въ Америку.

Красовскій исчезъ, а черезъ три дня въ тайгѣ нашли его тѣло съ прострѣленной головой; денегъ при немъ не оказалось. Убійство было очевидно; но начальство, боясь отвѣтственности, донесло о самоубійствѣ. Послѣ этого «вольная команда» была отмѣмена, и Чернышевскаго перевели снова въ тюрьму, но уже не въ нашу, а въ «контору»; на квартирѣ онъ прожилъ всего 2 мѣсяца.

Населеніе «конторы» состояло преимущественно изъ простолюдиновъ, городскихъ рабочихъ и особенно много было жмудиновъ, полукрестьянъ-полупанковъ. Народъ этотъ былъ отчаянно-патріотическій и страстные католики. Въ особенности они ненавидѣли интеллигенцію, которая, по словамъ ихъ учителей, ксендзовъ, погубила «справу» и «отчизну»; какъ бывало подопьетъ немного эта фанатическая полуголодная толпа, такъ и раздаются крики: «бей академиковъ». До нашего пріѣзда было довольно много исторій въ этомъ родѣ. Разсказывать о нихъ я считаю здѣсь ненужнымъ, такъ какъ къ Чернышевскому они отношенія не имѣютъ. Въ особенности эта польская «черная сотня», подстрекаемая ксендзами, ненавидѣла соціалистовъ. А тутъ и моментъ особый подошелъ. Дѣло происходило во время разгрома французской арміи и во время Коммуны. Поляки (и даже не одна чернь, а и паны) долго не вѣрили извѣстіямъ о пораженіи и низложеніи Наполеона. Помню одного комическаго, старозавѣтнаго пана, человѣка лѣтъ 50—70, въ халатѣ и ермолкѣ, и съ длиннымъ чубукомъ въ рукахъ, съ комической серьезностью увѣрявшаго меня, что это «все русскія газеты врутъ». Только когда получили извѣстіе о Седанѣ, онъ вдругъ повѣрилъ: чубукъ выпалъ изъ его дрожащихъ рукъ, онъ упалъ на койку и зарыдалъ, какъ ребенокъ, и сквозь рыданія слышались выкликиванья: «горе, горе намъ: пропала отчизна, пропала!»

Н. Г. такая даже компанія любила и уважала; съ какимъ-то удивительно трогательнымъ довѣріемъ они относились къ нему и умѣли и щадить, и беречь его, съ

поразительной, только простолюдину свойственной деликатностью избѣгая всего, что могло бы огорчить или взволновать «пана Чернышевскаго». И, несмотря на такое прекрасное отношеніе, въ одинъ прекрасный вечеръ, когда Чернышевскій писалъ въ своей комнаткѣ, къ нему ввалилась подвыпившая толпа человѣкъ въ 15 съ дикими криками: «пане Чернышевскій, вѣдь правда, что коммунисты мерзавцы, что они продали свою родину нѣмцу и ихъ бить надо». Чернышевскій соскочилъ со стула, единственнаго въ комнатѣ, и первымъ дѣломъ сталъ успокаивать бѣдныхъ обманутыхъ, ласково трепля ихъ по плечу и стараясь усадить всѣхъ на кровать и единственный стулъ. И мило, и смѣшно было видѣть его въ такія минуты. А потомъ онъ заговорилъ приблизительно такъ:

— Вѣдь вы-то любили свою родину? Вы за нее, за ея свободу даже дрались... И вотъ васъ сослали въ Сибирь... А у васъ тамъ, въ Польшѣ-то, жены остались, дѣти малыя. Вѣдь они тамъ страдаютъ... И за васъ, и за себя страдаютъ... Пожалуй, съ голоду умираютъ... А сколько дѣтишекъ-то бѣдныхъ умерло...

— Охъ, правда, правда, пане. — И среди взволнованной толпы раздаются кое-гдѣ всхлипыванья.

— Ну, да то война, — продолжаетъ Н. Г. — А вѣдь и безъ войны сколько муки-то бываетъ. Работаете, работаете, а все голодаете, и жены, и дѣти не накормлены. А кто изъ васъ на работѣ свалится, пропадетъ — случается и такъ, — куда сиротамъ дѣваться?..

— Правда, правда, пане Чернышевскій! — уже почти рыдаетъ толпа.

— Ну, такъ вотъ коммунисты-то... Чего они хотятъ? Они такъ же, какъ и вы, дрались за свободу свою, за свою родину... Вы вотъ пѣсню поете:

О, честь вамъ, панове прелаты,
За нашу неволю, кайданы. О, честь вамъ, магнаты,
За край нашъ, весь кровью обляный!..

— Поете вѣдь?

— Такъ, такъ, такъ.

— Ну, и у коммунистовъ тоже были такіе панове и

прелаты, и ихъ край былъ кровью обляный... А чего они хотѣли? Только того они и хотѣли, чтобы такъ устроить жизнь, чтобы женки и бѣдныя дѣтишки не мучились, чтобы лишняго горя у людей не было. Ну, вотъ и разсудите, подлецы ли они, слѣдуетъ ли ихъ бить за то, что они и своихъ, и чужихъ дѣтокъ жалѣютъ? Ихъ побили и ссылаютъ, это правда. Такъ вѣдь и васъ тоже побили и сослали. А женамъ да дѣтямъ попрежнему плохо живется и тяжело умирается...

Толпа уже не всхлипываетъ, а рыдаетъ... И, уходя отъ Н. Г., уноситъ съ собой неясную еще, но уже зародившуюся мысль, что дѣло-то, пожалуй, совсѣмъ не такъ, какъ имъ ксендзы и папы говорили, что коммунисты добро людямъ хотѣли дѣлать. Не сталъ бы панъ Чернышевскій за нихъ заступаться, если бы это не такъ было.

Онъ представился намъ и непремѣнно потребовалъ, чтобы мы сказали ему наши полныя имена, и потомъ во все время разговора, обращаясь къ намъ, ни разу не ошибся. Разговоры велись самые обыденные, какъ будто мы не пріѣхали сейчасъ только изъ далекой и милой родины, какъ будто съ нами ничего не случилось особаго, какъ будто мы давно уже сидимъ тутъ и бесѣдуемъ съ нимъ и давно, давно съ нимъ знакомы.

Какъ однако трудно вспоминать. И не потому трудно, чтобы не чего было вспоминать, но потому что очень много воспоминаній и очень они живы. Мы жили такъ близко съ Николаемъ Гавриловичемъ, чуть не въ одной комнатѣ, въ теченіе долгихъ и унылыхъ пяти лѣтъ, отъ 67 по 72 годъ. Чуть не каждое слово, чуть не каждое движеніе любимаго мной человѣка вспоминается съ необыкновенною отчетливостью, — а вспоминать страшно, потому что боишься, какъ бы тотъ свѣтлый образъ, который остался не затемненнымъ для меня ни душевными бурями, ни житейскими передрягами, ни обступившими меня все больше и больше мелочами жизни, не потускнѣлъ при передачѣ. Мы жили вѣдь такой странной, обособленной жизнью, внѣ настоящей жизни, внѣ ея живыхъ интересовъ и злобы дня, однѣми только мелочами до-

машней жизни, иногда освѣщаемыми и оживляемыми жизнью духа, абстрактною мыслью. Трудны не воспоминанія, а выборъ того, что можетъ показаться болѣе или менѣе равнодушному читателю наиболѣе значительнымъ, наиболѣе характернымъ для личности Николая Гавриловича,—самому-то мнѣ все, всякая мелочь кажется характерной и интересной. И я, право, не рѣшился бы записывать свои воспоминанія, если бы не имѣлъ возможности попробовать возстановить, хотя бы и въ краткихъ и, по всей вѣроятности, неясныхъ образахъ нѣкоторыя изъ написанныхъ и погибшихъ или даже ненаписанныхъ, а только задуманныхъ произведеній Николая Гавриловича.

Комната, въ которой жилъ Николай Гавриловичъ первые два года нашего знакомства, помѣщалась напротивъ вышеописанной комнаты, черезъ корридоръ. Она была нѣсколько меньше первой и перегородкой раздѣлялась на двѣ половины, такъ что выходила небольшая передняя. Во второмъ отдѣленіи комнаты по всей стѣнѣ были устроены деревянныя нары, очень широкія, нѣчто въ родѣ помоста или эстрады. На этихъ нарахъ помѣщалась кровать Николая Гавриловича и небольшой столикъ. Онъ обыкновенно возсѣдалъ на этомъ возвышеніи,—тамъ онъ писалъ и оттуда бесѣдовалъ со своими посѣтителями. Придешь бывало къ нему, сядешь на нары, а онъ въ своей черной шапочкѣ, которую постоянно нервно двигаетъ на головѣ, съ быстрыми движеніями всего туловища на стулѣ или кровати, говоритъ. Говоритъ такъ, что слушаешь и не наслушаешся.

Мнѣ послѣ приходилось встрѣчать многихъ очень остроумныхъ и краснорѣчивыхъ литераторовъ, ученыхъ, просто образованныхъ людей, но такого разговорщика, какимъ былъ Николай Гавриловичъ, я не встрѣчалъ ни раньше, ни позже. Случалось просиживать съ нимъ часовъ по пяти подъ рядъ, и разговоръ не умолкалъ ни на минуту. Вы не подумайте, чтобы это была какая-нибудь мудреная лекція de omni re scibili! Далеко нѣтъ. Вѣдь такая лекція въ концѣ-концовъ наскучила бы за пять-то лѣтъ. Это

былъ блестящій фейерверкъ идей и образовъ. Да, и образовъ. Художественная жилка несомнѣнно существовала у автора «Что дѣлать?». Всякій, кому пришлось послушать его простой и непринужденный разговоръ, не могъ усомниться въ этомъ. Онъ почти никогда не аргументировалъ для доказательства тѣхъ положеній, которыя хотѣлъ высказать, а иллюстрировалъ ихъ. Анекдотъ историческій или изъ современной намъ жизни—онъ хорошо былъ знакомъ съ ней; въ 50 и 60-хъ годахъ онъ стоялъ въ центрѣ умственнаго движенія и общественной жизни,—характеристика играющей общественную роль личности двумя какими-нибудь мѣткими штрихами, гоголевское словечко—и аргументы появлялись сами собой. Я послѣ даже очень жалѣлъ, когда для удобства Чернышевскаго мы разобрали эти милыя нары,—такъ привыкъ я къ нимъ, такъ привыкъ видѣть надъ собою ерзающую на стулѣ фигуру Николая Гавриловича и его блѣдное лицо. Удивительное дѣйствіе производили на насъ эти разговоры «съ горы», или «съ наръ». Кажется, просто просидѣли вмѣстѣ люди нѣсколько часовъ, поболтали о томъ, о семъ—и только. Но не «только это» было при разговорахъ «съ горы». Приходилось вспоминать, обдумывать, сравнивать, наводить справки въ книгахъ, перетряхивать богажъ старыхъ знаній и искать новыхъ. Часто бывало, что то̀, что повидимому уже крѣпко улеглось въ мозгу, такъ крѣпко, что никакими логическими аргументами его не своротишь, если въ этихъ аргументахъ не будетъ какихъ-либо новыхъ, тебѣ неизвѣстныхъ данныхъ, такъ бывало, что вотъ это-то крѣпкое отъ одного какого-нибудь случайнаго словечка «съ горы» переворачивалось вверхъ тормашками, и нужно было новое и новое обдумыванье, чтобы установить его въ новой формѣ. Приходилось нѣсколько разъ возвращаться къ одному и тому же, требовать разъясненій и даже спорить. Спорили мы съ Николаемъ Гавриловичемъ частенько, и эти споры онъ почти всегда велъ въ томъ же тонѣ, какъ и обыкновенные разговоры, т. е. образами, шутливо, отрывками, такъ сказать. Насколько была сильна по своей логичности его аргументація въ

статьяхъ, настолько она была художественна—право, не нахожу другого слова для характеристики его манеры спорить—въ спорахъ. Разъ, напр., мы говорили съ нимъ о присоединеніи одной страны къ большому государству, и я высказалъ ту мысль, что для народа-то этой присоединенной страны, пожалуй, и выгоднѣе не имѣть своего національнаго правительства, что дѣло демократіи только выигрываетъ отъ этого присоединенія.

— Такъ-то оно такъ,—отвѣтилъ Николай Гавриловичъ,—только видите въ чемъ дѣло. Вы, напр., въ огородѣ копаетесь, и довольно неумѣло копаетесь, и, пожалуй, у васъ капуста не прозябнетъ, а озябнетъ. И свиньи въ огородъ лазятъ, и вы въ нихъ палками кидаете. А какъ вы думаете, когда у васъ легче на душѣ бываетъ, когда вы съ меньшимъ озлобленіемъ палкой кидаете: тогда ли, когда своя свинья въ огородъ лѣзетъ, или тогда, когда чужая? А вѣдь капуста одинаково не въ авантажѣ обрѣтается, дѣло капусты не очень выигрываетъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ.—Конечно, это не было буквально такъ сказано, буквальныя-то слова Николая Гавриловича я, пожалуй, и забылъ. Но я помню, что я въ ту минуту живо представилъ себѣ свиней, лѣзущихъ въ *мой* огородъ, живо представилъ себя защищающимъ *свою* капусту палкой, мало того, я почувствовалъ въ эту минуту то, что у меня будетъ въ душѣ, когда я буду гнать *свою* свинью, и то, что въ ней будетъ, когда я буду гнать *чужую*. Такъ былъ живъ образъ, высказанный Чернышевскимъ, что пришлось подумать и объ этомъ вопросѣ, повидимому уже рѣшенномъ для меня.

Въ спорахъ Николай Гавриловичъ никогда не горячился, не былъ рѣзкимъ, не забивалъ противника массой своихъ знаній. Онъ умѣлъ говорить, но умѣлъ и слушать. Мало того, онъ умѣлъ вкладывать въ уста своего противника тотъ аргументъ, который тотъ непремѣнно употребилъ бы, если бы хорошенько подумалъ,—умѣлъ, такъ сказать, вытянуть аргументъ изъ глубины его сознанія. Насколько рѣзокъ и нетерпѣливъ бывалъ Николай Гавриловичъ въ своей журнальной полемикѣ (помните его знаменитое:

«буки-азъ—ба», г. Вернадскій), настолько онъ былъ милъ въ полемикѣ личной, такъ что, по совѣсти сказать, быть имъ побитымъ въ спорѣ не было обидно, а даже пріятно. Чувствовалось при этомъ сильное возбужденіе мысли, страстная жажда знанія и охота спорить еще и еще. Я думаю и до сихъ поръ, что настоящее призваніе Николая Гавриловича была профессура. Онъ былъ бы, вѣроятно, идеальнымъ профессоромъ.

На другой день послѣ нашего перваго знакомства съ Николаемъ Гавриловичемъ намъ пришлось заняться столярнымъ ремесломъ. Намъ, вновь пріѣхавшимъ, отвели довольно большую комнату на дворѣ, съ русской печью, нѣчто въ родѣ кухни. Эта комната была совершенно пустая— ни сѣсть, ни лечь не на что. Нужно было сдѣлать столы и кровати. Начальство прислало доски, дало топоры, пилы, рубанки,—и работа пошла въ ходъ. Дымъ папиросъ, испаренія тѣлъ потѣвшихъ неумѣлыхъ работниковъ стояли въ воздухѣ такъ что, какъ говорится, хоть топоръ вѣшай. Работа была въ самомъ разгарѣ, когда появился Чернышевскій, и сейчасъ же началъ «помогать», какъ онъ говорилъ, а въ сущности мѣшать. Пришлось прогнать его. Вообще, въ этомъ отношеніи съ нимъ было просто бѣда. Онъ не могъ видѣть насъ работающими безъ того, чтобы не вмѣшаться и не помѣшать. Работать по дому приходилось не мало: и дрова колоть, и печи топить, и воду на себѣ возить; и всегда онъ явится и помѣшаетъ. Да и страшно за него было: такъ онъ ловокъ былъ, что того и гляди покалѣчитъ себя, такъ что частенько приходилось насильно отнимать у него рѣжущіе и колющіе инструменты и дружелюбно его выталкивать. Послѣ мы выучились отдѣлываться отъ него напоминаніемъ о нѣкоемъ дворникѣ, которому, по его собственному разсказу, онъ хотѣлъ помочь внести дрова на пятый этажъ и такъ ловко помогъ, что разсыпалъ всю вязанку, за что и получилъ надлежащее возмездіе въ формѣ крѣпкихъ словъ. Какъ сунется Николай Гавриловичъ «помогать» намъ, такъ и крикнемъ ему: «а вспомните, стержень добродѣтели (такъ мы шутливо называли его), дворника»,—ну и отстанетъ.

Благодаря его умѣнію всегда сунуться туда, гдѣ ему не слѣдовало быть, одинъ разъ онъ дѣйствительно чуть не пострадалъ серьезно. Лѣтомъ мы устроили игру въ городки на небольшомъ дворикѣ при нашемъ домѣ. Читатель, вѣроятно, видывалъ эту игру въ деревняхъ. Въ кругъ ставятся извѣстнымъ образомъ пять чурокъ и ихъ выбиваютъ изъ круга палкой довольно внушительныхъ размѣровъ. Дѣло было какъ разъ передъ франко-прусской войной. Въ воздухѣ вообще пахло порохомъ, ждали войны европейской. Какъ мы ни были удалены отъ жизни, но запахъ крови и пороха долеталъ и до насъ. Политику мы внесли и въ игру въ городки. Каждый изъ играющихъ изображалъ какую-нибудь державу, и партіи раздѣлялись сообразно вѣроятной комбинаціи политическихъ и военныхъ силъ. Однимъ словомъ, игра была довольно азартная. Я помню, что я очень усердно упрашивалъ, чтобы мнѣ не быть Австріей,—ужъ очень мнѣ не нравилась политика этой державы; но больше, чѣмъ Австріей, мнѣ, по моей игрѣ, быть не полагалось. Николай Гавриловичъ, понятно, присутствовалъ тутъ же. Какъ ни уговаривали его уйти въ комнату, чтобы не сорвалась какая-нибудь шальная палка, онъ не соглашался и, сидя на крыльцѣ, находившемся на половинѣ дороги между играющими, наблюдалъ за ударами. И дѣйствительно, шальная палка сорвалась, и палка-то страшная—Францію изображалъ одинъ молодой человѣкъ, у котораго ударъ былъ не мѣтокъ, но рѣзокъ: все промахивается, а какъ попадетъ, такъ весь городъ и высадитъ изъ круга. И вотъ такая-то палка сорвалась и полетѣла не въ городъ, а въ Николая Гавриловича. Попади она въ него, онъ былъ бы если не убитъ, то серьезно искалѣченъ. Къ счастью ударило нѣсколько ниже, въ крыльцо, на которомъ сидѣлъ Чернышевскій, и ударъ былъ такъ силенъ, что палку раздробило въ щепы. Чернышевскій вскочилъ и убѣжалъ въ комнату, но черезъ минуту оправился и, какъ ни въ чемъ не бывало, усѣлся на то же тѣсто и просилъ продолжать игру.

Время франко-прусской войны было для насъ време-

немъ не одной игры въ городки, а также временемъ горячихъ, часто жгучихъ преній и болѣе или менѣе глубокомысленныхъ политическихъ соображеній. Николай Гавриловичъ все время сидѣлъ за картой Франціи и былъ занятъ какими-то стратегическими выкладками. Насъ уже и тогда поражали удивительная проницательность и всесторонніе знанія этого человѣка. Весь ходъ войны, почти до деталей сраженій, походовъ, отступленій и проч., былъ предсказанъ имъ. Намъ, какъ не-спеціалистамъ, было иногда скучновато слушать его выкладки — это почти единственная скучная вещь, которую пришлось слышать отъ Чернышевскаго—и иногда его предсказанія мы выслушивали съ недовѣрчивой улыбкой. Особенно намъ не вѣрилось въ конечную побѣду Германіи; намъ думалось, что Франція, освобожденная отъ Наполеона и всей его шайки, найдетъ въ сердцахъ своего народа тотъ импульсъ, какой она нашла въ 1792 году. Чернышевскій безжалостно разбивалъ эти иллюзіи, онъ пророчилъ намъ коммуну, ея погибель и конечное торжество буржуазіи. Мы восхищались звучными словами Фавра: «ни пяди французской земли, ни камня французскихъ крѣпостей». Чернышевскій смѣялся надъ этимъ самохвальствомъ буржуа-республиканца. Онъ съ грустью говорилъ о будущемъ: «если бы они отдали Страсбургъ, одинъ только Страсбургъ, дѣло было бы кончено. И сколькихъ золъ милитаризма, народнаго разоренія, сколькихъ народныхъ бѣдствій, неизбѣжной въ будущемъ общеевропейской войны избавлена бы была Европа. И почему бы имъ не отдать Страсбургъ? Вѣдь не туркамъ отдали бы они его. Просто одна крѣпость изъ рукъ одной *культурной* націи перешла бы въ руки другой». Правду сказать, тогда намъ была почти непонятна такая точка зрѣнія, не совсѣмъ ясны были и его предвидѣнія.

Не могу по этому поводу не привести одного разсказа Г. А. Лопатина съ которымъ мы встрѣтились въ иркутской тюрьмѣ, при моемъ проѣздѣ съ каторги на Вилюй. Вотъ что разсказываетъ мнѣ Г. А. «Въ одно прекрасное утро въ Лондонѣ, передъ его отъѣздомъ въ Россію и въ Си-

бирь съ цѣлью освобожденія Чернышевскаго, къ нему вбѣжалъ взволнованный человѣкъ, одинъ изъ эмигрантовъ, сильно скомпрометированный во время коммуны (я, къ сожалѣнію, забылъ имя этого члена международнаго общества, друга Маркса и Бакунина), и сразу огорошилъ Л—на словами: «Скажите пожалуйста, какимъ образомъ этотъ вашъ Чернышевскій, сидя у себя въ кабинетѣ въ Петербургѣ, въ началѣ 60-хъ годовъ могъ предвидѣть и Седанъ, и Коммуну, и наше пораженіе?» Изъ разспросовъ удивленнаго Л—на выяснилось, что коммунистъ только что прочелъ статью Чернышевскаго объ іюльской монархіи и его настолько поразила тонкость политическаго и соціальнаго анализа событій и взаимоотношеній классовъ, что онъ вычиталъ изъ статьи то, чего въ ней нѣтъ.

— Вотъ, подите же,—закончилъ свой разсказъ Г. А.,—всѣ мы читали статью... Хорошая статья, что и говорить... И мы въ ней не усмотрѣли однако ничего подобнаго... А французъ прочелъ и вычиталъ. Ему ближе и потому виднѣе». Въ 70-мъ же году Н. Г. дѣйствительно *предвидѣлъ* не только военныя событія, онъ предсказалъ не только Седанъ, но и Коммуну и ея пораженіе. Его могучій аналитическій умъ не былъ обманутъ поверхностными явленіями жизни, хотя всѣ европейскіе революціонеры того времени (до Маркса включительно) были обмануты. Тутъ уже выходитъ, что со стороны виднѣе.

Буря пронеслась, коммуна утонула въ крови, и наша маленькая коммуна зажила своей обычной жизнью. Опять мы работали, читали, спорили; опять Николай Гавриловичъ сидѣлъ въ своей комнатѣ днемъ, а вечеромъ приходилъ къ намъ, бесѣдовалъ. Жизнь текла самымъ регулярнымъ или, если хотите, самымъ нерегулярнымъ образомъ. Вставалъ онъ около 12-ти или часу, пилъ чай, вскорѣ обѣдалъ, опять пилъ чай и все это время читалъ; въ сумерки, а иногда и передъ обѣдомъ, прохаживался по дворику и во время прогулки, если никого не было, распѣвалъ какіе-то греческіе гекзаметры. Пѣлъ онъ ихъ очень дикимъ голосомъ и чрезвычайно смущался, если кто-нибудь изъ насъ заставалъ его за этимъ занятіемъ.

Это, впрочемъ, рѣдко удавалось; обыкновенно надо было спрятаться гдѣ-нибудь за дверью и подслушать. Послѣ прогулки онъ садился писать или шелъ въ нашу комнату, просиживалъ до 11—12 часовъ и уходилъ опять къ себѣ и писалъ до свѣту, когда ложился въ постель. Такъ прожилъ Николай Гавриловичъ не только тѣ пять лѣтъ, когда я зналъ его, но и все время своей ссылки, почти всю свою жизнь. Ни одинъ посторонній наблюдатель, видя такое ровное и тихое существованіе, не могъ бы угадать всей глубины любви къ людямъ, всей той душевной чистоты и нѣжности, всей той бури кипучихъ страстей, какія таились въ этой сдержанной, повидимому, хладнокровной и покойной, но въ сущности кипучей мыслями и чувствами, полной нравственной энергіи натурѣ.

Николай Гавриловичъ умѣлъ не только любить,—онъ умѣлъ и ненавидѣть и презирать, онъ умѣлъ также и плакать. Это была натура сдержанная, но страстная, спокойная, но не холодная, а глубоко нѣжная. Когда я вспоминаю о немъ, мнѣ невольно приходитъ на мысль другой нашъ великій покойникъ — Салтыковъ. Какъ, повидимому, ни были непохожи другъ на друга эти два человѣка, какъ ни разошлись съ самаго дня рожденія ихъ дороги (нужно помнить, что Чернышевскій и по натурѣ и по идеямъ былъ настоящій разночинецъ, — это многое разъясняетъ въ его жизни), какими, наконецъ, разными темпераментами ни обладали они, но предметы ихъ ненависти, если не предметы любви, были одинаковы. Чернышевскій, такъ же какъ и Салтыковъ, ненавидѣлъ ташкенца, пѣнкоснимателя, разорителя родины. Только къ кулаку Дерунову отношеніе его было нѣсколько иное, чѣмъ у Салтыкова. На того онъ смотрѣлъ не какъ на опасную силу, а скорѣе какъ на осклизлую гадину, существованіе которой связано съ другими болѣе первоначальными причинами. На боевой кличъ Салтыкова: «чумазый идетъ!» Чернышевскій отвѣтилъ бы приблизительно такъ: «нѣтъ, онъ не идетъ, а пришелъ и всегда приходитъ вмѣстѣ съ Угрюмъ-Бурчеевыми и съ Залихватъ-Перехватскими, въѣхавшими въ Глуповъ на бѣломъ конѣ

и упразднившими науки. Не будетъ ихъ, не будетъ и Дерунова». Скорѣе гадливость и презрѣніе, чѣмъ ужасъ и негодованіе, какіе замѣтны у Салтыкова, чувствовалъ къ кулаку Чернышевскій. Но когда ему приходилось говорить о ташкенцѣ и пѣнкоснимателѣ, особенно высшаго полета, то Николай Гавриловичъ, обыкновенно мягкій и добродушный, дѣлался неузнаваемъ; онъ дѣлался Чернышевскимъ своей журнальной полемики, полнымъ яда и желчи. И чѣмъ выше былъ полетъ ташкенца, тѣмъ болѣе глубокая ненависть звучала въ отзывахъ Николая Гавриловича. Таковъ онъ былъ въ словахъ, таковъ и въ жизни. Мягкій, кроткій и «простой» съ простыми людьми, даже съ невольными злодѣями, невѣдающими, что они творятъ, онъ былъ суровъ, рѣзокъ и просто невѣжливъ съ гг. ташкенцами, когда ему волей-неволей приходилось встрѣчаться съ ними.

Тутъ кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о бланкизмѣ Чернышевскаго. Въ послѣднее время по этому вопросу возникли нѣкоторыя сомнѣнія. На основаніи разнаго рода сообщеній относительно процесса Н. Г. и его осужденія, бывшаго, несомнѣнно, простымъ подлогомъ и безстыднымъ насиліемъ, нѣкоторые высказываютъ сомнѣніе въ томъ, былъ ли вообще Н. Г. по своимъ взглядамъ бланкистомъ... О дѣлѣ Чернышевскаго я говорить не буду; не буду говорить о его участіи въ революціонной и опозиціонной дѣятельности того времени. Для этого у меня слишкомъ мало данныхъ. Я не хочу строить гипотезъ о бланкизмѣ Чернышевскаго, какъ это дѣлаетъ г. Кудринъ. По многимъ соображеніямъ, на основаніи различныхъ разговоровъ на различныя темы, я полагаю, что Н. Г. былъ несомнѣннымъ бланкистомъ и притомъ, въ противность гипотезѣ г. Кудрина, мнѣ кажется, я могу утверждать, что Н. Г. не постепенно, подъ вліяніемъ событій, увлекаемый ими и діалектическимъ развитіемъ своей мысли, становился бланкистомъ, а былъ имъ съ дней его юности, еще во время его жизни въ Саратовѣ. Это мое мнѣніе подтверждается и его произведеніями, о которыхъ будетъ рѣчь дальше—въ особен-

ности его автобіографическимъ „Введеніемъ къ прологу пролога», гдѣ разсказъ заканчивается возстаніемъ крестьянъ и переселеніемъ запутаннаго въ это возстаніе Волгина (Чернышевскаго) въ Петербургъ, а также и его двумя комедіями.

Изъ разговоровъ, имѣющихъ отношеніе къ этому вопросу, приведу, одинъ въ особенности мнѣ памятный. Какъ-то между нами зашла рѣчь объ освобожденіи крестьянъ. Я предполагаю, что читателю извѣстна литературная дѣятельность Чернышевскаго по этому вопросу и въ особенности его изданные за границей «письма безъ адреса». Надѣленіе крестьянъ всей землей, находившейся въ ихъ владѣніи, и выкупъ не на счетъ крестьянъ, а на счетъ государства—таковы основы его плана освобожденія. Объ этомъ планѣ и его значеніи для будущаго мы и говорили. То, что говорилъ тогда Чернышевскій, его предвидѣнія эволюціи русскаго народа,—въ настоящее время вещи общеизвѣстныя, но въ то время его слова были понятны немногимъ, да и для тѣхъ они звучали пророчествомъ. Но надо было видѣть Чернышевскаго въ эту минуту, надо было слышать, какимъ негодованіемъ и какимъ презрѣніемъ къ этой будущей, съ позволенія сказать, эволюціи была полна его рѣчь, чтобы сразу понять, что имѣемъ дѣло съ неумолимымъ и непреклоннымъ бланкистомъ.

— Да, батенька, я теперь думаю, что было бы гораздо лучше, если бы тогда побѣдила откровенно крѣпостническая партія дворянства, и крестьяне были бы освобождены безъ земли, съ однѣми усадьбами,—такъ закончилъ онъ разговоръ.

— Почему?—спросилъ я.—А Прибалтійскій край, а Польша?..

— Да потому,—довольно рѣзко отвѣтилъ Н. Г.,—что тогда немедленно произошла бы катастрофа.

И онъ повернулся и быстро вышелъ изъ комнаты,—такъ онъ поступалъ всегда, когда хотѣлъ прервать разговоръ, почему либо для него тягостный...

Тутъ, какъ видите, чистый бланкизмъ: чѣмъ хуже, тѣмъ

лучше. Это совсѣмъ не напоминаетъ позднѣйшихъ теорій нашихъ доморощенныхъ марксистовъ. Не эволюція, не постепенное освобожденіе крестьянъ отъ средствъ производства, не вывариваніе мужика въ фабричномъ котлѣ, не постепенное его превращеніе въ батрака, а полное и сразу произведенное обезземеленіе. Не эволюція, къ которой, повторяю, Н. Г. относился съ негодованіемъ, а катастрофа. Не марксизмъ, а бланкизмъ.

Кстати передамъ еще одинъ фактъ, который можетъ быть объясненъ въ томъ же направленіи. Этотъ фактъ рисуетъ отношеніе Н. Г. къ Марксу. Насколько былъ знакомъ Чернышевскій съ произведеніями Маркса въ то время я опредѣленно сказать не могу; разумѣется, его «Капитала» онъ не зналъ по той простой причинѣ, что это произведеніе еще не было написано. Зналъ ли онъ «Коммунистическій манифестъ»? Не думаю. Въ 50 и 60 годахъ это произведеніе не было особенно широко извѣстно даже въ средѣ революціонеровъ, не только у насъ, но и на Западѣ.

Во всякомъ случаѣ Чернышевскій ни разу, сколько мнѣ помнится, не говорилъ о немъ, хотя о Марксѣ (и Энгельсѣ) онъ часто упоминалъ, какъ о замѣчательно талантливомъ сотрудникѣ газеты, и отзывался о немъ всегда съ большой похвалой, какъ о послѣдовательномъ и крайнемъ ученикѣ Фейербаха. Вѣроятно, Чернышевскому была извѣстна и полемическая, направленная противъ Прудона Misere de la philosophie, хотя разговоровъ объ этой книгѣ Маркса мнѣ не запомнилось. Но вотъ получилась книга Маркса: Zur Kritik. Я увидалъ книгу уже послѣ прочтенія ея Н. Г. и, къ своему удивленію, нашелъ на книгѣ его собственноручную надпись: «революція въ розовой водицѣ». Объясненія такой рѣзкой надписи мнѣ не удалось спросить, но теперь я полагаю, что Чернышевскому, какъ защитнику интересовъ всего пролетаріата и пролетаризуемаго крестьянства, именно эволюція-то и закономѣрное развитіе капитализма, неизбѣжно приводящее къ Zusamenbruch'у и представлялось розовой водицей революціи.

Но, будучи бланкистомъ, Чернышевскій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и скептикомъ. Вѣру вообще онъ не признавалъ про-

грессивнымъ факторомъ. Всякому сильному и здоровому уму присущъ здоровый скептицизмъ. Н. Г. не вѣрилъ въ близость катастрофы, хотя и желалъ ея. Помню одинъ полушутливый разговоръ по этому поводу. Въ одинъ изъ первыхъ же дней нашего знакомства кто-то упомянулъ о русской революціи.

— Ахъ, эта русская революція,—смѣясь замѣтилъ Н. Г.— Она точно бѣдный котеночекъ, маленькій, жалкій... Пищитъ и дрожитъ, весь трясется, какъ осиновый листъ.

И онъ нагнулся къ этому воображаемому котенку, точно хотѣлъ погладить, приласкать, успокоить его.

Котенокъ потомъ выросъ въ большую кошку, которая очень больно царапается; но я не знаю, увѣровалъ ли въ нее Н. Г. къ концу своей жизни. Сильно сомнѣваюсь въ этомъ.

Я взялъ бы на себя смѣлость характеризовать политическіе взгляды Чернышевскаго въ такихъ немногихъ словахъ: катастрофа вскорѣ немыслима, но долгъ мыслящаго и послѣдовательнаго человѣка—стремиться къ ней и *дѣлать* все возможное для ея приближенія. Поменьше фразъ и теорій и побольше *дѣйствія*. Это, конечно, бланкизмъ чистѣйшей воды.

Бланкизмъ Н. Г. отражался и въ его отношеніяхъ къ людямъ и во всякомъ случаѣ къ авторамъ. Какъ суровый вполнѣ реалистическій мыслитель, онъ не вносилъ ничего туманнаго и мистическаго. Будучи утопистомъ и глубоко цѣня Фурье (его цѣнилъ, какъ извѣстно, и Марксъ), онъ не выносилъ Кабе и въ Прудонѣ цѣнилъ крѣпкую голову французскаго мужика, а къ Луи-Блану относился съ нѣкоторымъ презрительнымъ сожалѣніемъ, какъ къ безхарактерному политическому дѣятелю. О Бланки же онъ всегда отзывался съ большимъ уваженіемъ и сочувствіемъ. Чрезвычайно осторожны и уклончивы были его отзывы о А. И. Герценѣ. Видно было, что онъ высоко цѣнилъ его могучій умъ и громадный литературный талантъ, но... считалъ его чужимъ Его отношеніе къ Герцену, впрочемъ, достаточно извѣстно изъ опубликованныхъ документовъ и потому говорить объ этомъ нечего.

Онъ умѣлъ и плакать. Я помню, онъ читалъ намъ свой «Прологъ къ прологу». Когда онъ читалъ дневникъ Левицкаго (въ которомъ онъ хотѣлъ, до извѣстной по крайней мѣрѣ степени, изобразить Добролюбова), голосъ его задрожалъ, въ немъ послышались всхлипывающія ноты, на глазахъ показались слезы. И онъ убѣжалъ тогда на полчаса: вѣроятно, хотѣлъ остаться одинъ со своими слезами. Онъ вообще не могъ безъ слезъ вспомнить Добролюбова: такъ сильно онъ любилъ его и настолько выше себя ставилъ его. Это, какъ хотите, очень характерная черта для человѣка, котораго когда-то печатно обвиняли въ нагломъ самомнѣніи. Онъ, авторъ «Лессинга», «Гоголевскаго періода», «Примѣчаній къ Миллю» и пр., ставилъ выше себя молодого критика, очень талантливаго, но который весь былъ еще въ будущемъ. Въ другой разъ онъ плакалъ горькими слезами, когда, при нашей встрѣчѣ на Вилюѣ, я разсказалъ ему о попыткѣ Лопатина освободить его. Онъ плакалъ не потому, что всѣ подобныя попытки довольно сурово отражались на его собственной судьбѣ, а потому, что ему было жаль безплодно изъ-за него гибнущихъ молодыхъ силъ...

Да, этотъ человѣкъ умѣлъ ненавидѣть, но онъ умѣлъ и плакать хорошими, добрыми слезами.

Писать для Николая Гавриловича значило то же, что для рыбы плавать, для птицы летать, писать для него— значило жить. Въ послѣдующее время, когда судьба уже разбросала насъ въ разныя стороны, когда Николай Гавриловичъ жилъ уже на Вилюѣ, онъ писалъ затѣмъ только, чтобы все написанное немедленно же сжигать, и однако онъ все-таки писалъ. Судите же, какъ усердно онъ долженъ былъ писать въ то время, когда у него была внимательная публика, всегда заинтересованная, всегда готовая его слушать. Особенною продуктивностью отличался онъ въ первые три зимы, когда у насъ устроились домашніе спектакли. Эти спектакли были не только домашніе, но и вполнѣ доморощенные, доведенные до крайней упрощенности, съ простыней, вмѣсто занавѣса, безъ женскихъ ролей, а впослѣдствіи съ двумя женскими

ролями, которыя игрались, конечно, мужчинами. Зимніе вечера такъ долги, такъ унылы, такъ однообразны. Сидятъ, сидятъ люди, клеятъ гильзы, починиваются и пр.; одинъ читаетъ вслухъ. Наконецъ, все переработано, все перечитано. А интеллигентная привычка поздно ложиться остается несмотря ни на что, несмотря на то, что приходится вставать довольно рано. Подъ вліяніемъ-то стимула скуки, потребности дать исходъ просящейся наружу молодой живости и устроились эти спектакли, впослѣдствіи ставшіе нѣкоторымъ постояннымъ учрежденіемъ, по 3 или 4 раза въ зиму. Дѣло началось экспромптами. Пять-шесть человѣкъ удалялись въ отдѣльную маленькую комнату, изобрѣтали сюжетъ пьесы, распредѣляли роли, предоставляя каждому актеру говорить въ предѣлахъ его роли все, что ему угодно, вѣшали занавѣсъ, т.-е. простыню, и приглашали остальныхъ товарищей присутствовать въ качествѣ публики. Понятно, какіе препотѣшныя qui pro quo выходили иногда изъ этихъ экспромптовъ. Я помню, какъ одинъ изъ товарищей — замѣтьте, одинъ—изображалъ толпу и изображалъ преталантливо. По первымъ началомъ нашего театра и поводомъ для Чернышевскаго написать три драматическихъ пьесы, единственныя, насколько мнѣ извѣстно, написанныя имъ въ жизни, была уже серьезно поставленная, т.-е. съ настоящимъ занавѣсомъ, съ кулисами и проч., опера. Да, не смѣйтесь, опера настоящая. Называлась она «Лиза, любящая всѣхъ, или кандидатъ utriusque juris», при чемъ Лиза пѣла очень звучнымъ басомъ. Эта пьеса отличалась грубымъ юморомъ, значительною порнографичностью, но была очень смѣхотворна. Сюжетъ ея былъ взятъ съ дѣйствительнаго происшествія, довольно комичнаго. Нетребовательная публика хохотала доупаду, и Чернышевскій чуть ли не больше всѣхъ. Онъ превращался положительно въ ребенка, и его раскатистый, визгливый, подмывающій смѣхъ заражалъ всѣхъ насъ, и безъ того уже склонныхъ къ юношескому веселью. Хохотала публика, хохотали и пѣвцы.

Послѣ этого представленія Николай Гавриловичъ и далъ

нашему театру три пьесы, съ содержаніемъ которыхъ я и познакомлю теперь читателя.

Первая изъ нихъ была коротенькая, въ одномъ дѣйствіи, комедія-шутка и, сколько помнится, была безъ названія. Это была чистая аллегорія, была довольно сценична и полна неподдѣльнаго юмора по самой ситуаціи, если не по ея развитію. Вотъ ея содержаніе: два джентльмена, вполнѣ культурные, одинъ изъ нихъ литераторъ и поэтъ, другой юристъ, оба чрезвычайно либеральные и даже, пожалуй, готовые и на подвиги, идутъ по улицѣ и ведутъ либеральные разговоры. Проходя мимо одного дома, они слышатъ страшные вопли очевидно кѣмъ-то истязуемой женщины и, какъ слѣдуетъ порядочнымъ культурнымъ людямъ, вбѣгаютъ въ домъ, чтобы спасти несчастную жертву чьего-то дикаго произвола. Ихъ встрѣчаетъ старый слуга и со слезами на глазахъ сообщаетъ имъ, что здѣсь каждый день происходитъ та же исторія, что баринъ калѣчитъ барыню не на животъ, а на смерть, такъ что она, бѣдная, изъ синяковъ не выходитъ. Плача, онъ проситъ джентльменовъ выдумать что-нибудь для спасенія барыни, прибавляетъ, что и домъ и все имущество принадлежатъ барынѣ, а этотъ тиранъ кутитъ и мутитъ на ея же деньги. Понятно, что культурные люди приходятъ въ справедливое негодованіе, потокъ либеральныхъ рѣчей льется неудержимо: время деспотизма прошло, есть законы, есть нравы, не позволяющіе подобныхъ безобразій, и т. д. Въ это время выходитъ самъ тиранъ; культурные люди подходятъ къ нему съ объясненіями, но сразу начинаютъ мямлить и потрухивать, и когда тиранъ хватается за нагайку, чтобы вздуть освободителей, то они позорно валятся на полъ отъ припадка страха. Тиранъ повелѣваетъ имъ лечь на брюхо и ждать его велѣній, а самъ удаляется въ другую комнату, откуда раздаются новые стоны. Между тѣмъ культурные люди, лежа на брюхѣ, начинаютъ понемногу приходить въ другое настроеніе. Теперь они уже восхищаются могучей силой, проявляющейся въ поведеніи мужа-деспота; они не прочь пѣть диѳирамбъ этой силѣ, слагать

ей оды. Тиранъ является, садится за столъ — начинаетъ куражиться надъ ними. Они отъ неудобнаго положенія перемѣняютъ позы и дѣлаютъ легкія тѣлодвиженія, стараясь однако не выходить изъ предѣловъ почтительности передъ силой. Тиранъ замѣчаетъ эти тѣлодвиженія и хватается было опять за нагайку, но они успокаиваютъ его увѣреніями, что ихъ тѣлодвиженія дѣлаются единственно ради моціона. Онъ умилостивленъ и подноситъ имъ даже по рюмкѣ водки, отъ чего культурные люди приходятъ немедленно въ восторженное состояніе и слагаютъ въ честь его оду. Тиранъ, опьянѣвшій отъ водки и лести, все больше и больше кобенится. Тогда внезапно старый слуга, которому, наконецъ, опротивѣла вся эта гнусность, бросается на него съ кулаками и съ крикомъ: «вонъ изъ дому моей госпожи!» Ошеломленный внезапностью нападенія, трусливый мужъ-деспотъ моментально вылетаетъ вонъ, а культурные люди приходятъ въ восторгъ и бросаются обнимать храбреца, разсыпаясь въ увѣреніяхъ въ сочувствіи; но тотъ гонитъ и ихъ въ шею съ горькими словами: «Эхъ, вы, освободители!»

Въ этой пьесѣ, шутливой по формѣ, но серьезной по содержанію, достаточно ярко отразились политическіе взгляды Чернышевскаго. Переворотъ производитъ и отъ деспотизма родину освобождаетъ не интеллигенція, а самъ народъ, этотъ вѣрный старый слуга, которому, наконецъ, невтерпежъ стало. Характерно тутъ отношеніе автора къ либерализму. Онъ полагаетъ, что народъ, уничтожая тирановъ, однимъ ударомъ освобождается и отъ болтуновъ-либераловъ. «Эхъ, вы, освободители!» съ горечью восклицаетъ старый слуга, выталкивая въ шею либераловъ, послѣ бѣгства тирана. Тутъ обмануть народъ либераламъ не удается... Отношеніе Чернышевскаго къ русскому либерализму, впрочемъ, достаточно хорошо извѣстно и изъ его напечатанныхъ произведеній, чтобы была необходимость настаивать на этомъ. Я упоминаю объ этомъ здѣсь только потому, что въ этой пьесѣ достаточно ясно высказался бланкизмъ Чернышевскаго. Въ слѣдующей пьесѣ дѣло кончается не такъ просто,—тамъ изъ-за бланкизма выглядываетъ грустно улыбающійся скептикъ.

Это скептическое настроеніе очевидно болѣе и болѣе росло и углублялось у Н. Г. и въ особенно рельефной формѣ оно вылилось въ третьей части его романа «Разсказы изъ бѣлаго зала». Тамъ вожди и дѣятели всемірнаго переворота окончательно разочаровываются въ его возможности и уѣзжаютъ на Маркитскіе острова основать тамъ въ поученіе человѣчеству новую утопію... Человѣкъ русской эпохи возрожденія заканчиваетъ тѣмъ, чѣмъ закончили и дѣятели Возрожденія—утопіей.

Вторая пьеса называлась «Кашеваръ, или мастерица варить кашу»; она была подлиннѣе, въ трехъ дѣйствіяхъ Сюжетъ ея въ сущности тотъ же, но развитіе и положеніе дѣйствующихъ лицъ иныя. Жертва является на сцену въ видѣ молодой дѣвушки, живущей у богатой барыни въ роли не то компаньонки, не то горничной. Вообще тутъ уже нравы смягчены: барыня такая же самодурка и мошенница, какъ и тиранъ-мужъ первой пьесы, но уже въ мягкихъ культурныхъ формахъ. Она воспитала дѣвушку, одѣла ее, держитъ уже не въ черномъ тѣлѣ, хорошо кормитъ и не свирѣпствуетъ надъ ней. Но изъ развитія пьесы явствуетъ, что всѣ средства, которыми пользуется барыня, принадлежатъ не ей, а дѣвушкѣ. Та не знаетъ этого и считаетъ барыню своей благодѣтельницей; не знаетъ она, что средства эти захвачены барыней рядомъ подлоговъ, насилій и разныхъ преступленій.

Дѣйствіе происходитъ въ загородномъ домѣ, гдѣ барыня занимается пасторальными удовольствіями, кормитъ рыбокъ и бросаетъ подачки окрестному населенію. Культурные люди, такъ позорно изгнанные со сцены въ первой пьесѣ, здѣсь играютъ совсѣмъ другую роль. Въ «Кашеварѣ» ихъ двое. Одинъ—зрѣлый господинъ, состоящій при барынѣ въ качествѣ не то фаворита, не то управляющаго. По типу это нѣчто въ родѣ культурныхъ людей первой пьесы, но серьезнѣе, болѣе вѣскій. Онъ хотѣлъ бы уговорить барыню дать какую-нибудь подачку ограбленной ею дѣвушкѣ, поставить ее въ болѣе полноправное положеніе. Но долгая привычка рабства и подслуживанія

мѣшаетъ ему серьезно отнестись къ такой задачѣ, да, кромѣ того, онъ откровенно признается, что въ сущности-то онъ привыкъ къ барынѣ и любитъ ее по-своему, хотя это чувство и идетъ въ разрѣзъ съ его убѣжденіями. Поэтому онъ только мямлитъ и старается угодить всѣмъ капризамъ избалованной и взбалмошной дамы; устраиваетъ ей серенады, будто бы отъ благодарнаго населенія, лишь бы только поддержать все-таки довольно сносный modus vivendi. Не таковъ другой культурный человѣкъ;— это—радикалъ-интеллигентъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рабочій; онъ является къ дѣвушкѣ въ качествѣ адвоката и серьезно убѣждаетъ ее оглянуться на свое положеніе, уйти изъ дома барыни и начать съ ней процессъ объ имуществѣ. Дѣвушка колеблется, вспоминаетъ, что барыня какъ-никакъ была ея благодѣтельницей, вскормила и образовала ее сироту, да къ тому же она совсѣмъ еще не увѣрена въ своихъ правахъ. При этомъ кстати она разсказываетъ ему о своихъ мысляхъ, когда она увидала изъ окна двухъ мальчиковъ изъ народа и раздумалась о ихъ будущей судьбѣ, какъ они вырастутъ въ нищетѣ и невѣжествѣ. Этотъ монологъ о мальчикахъ былъ очень силенъ и эффектенъ, онъ положительно скрашивалъ довольно, по правдѣ сказать, вялую и монотонную пьесу. Когда молодой человѣкъ является въ другой разъ и сообщаетъ дѣвушкѣ, что онъ, наконецъ, убѣдился въ ея правахъ на наслѣдство, разсказываетъ ей, какъ барыня ограбила ея отца и убила ея мать, а въ концѣ-концовъ употребляетъ для убѣжденія совѣстливой законной наслѣдницы тотъ аргументъ, что отъ ея рѣшенія будетъ зависѣть, чтобы два заинтересовавшіе ее мальчика не выросли въ нищетѣ, тогда дѣвушка рѣшается и уходитъ съ нимъ. Барыня, возвратясь со своимъ фаворитомъ съ какой-то partie de plaisir и узнавъ о случившемся, мигомъ теряетъ все свое величіе и аристократическую выдержку; она бросается къ дверямъ съ криками: «верните ее, верните, я на все согласна!» Управляющій удерживаетъ ее и читаетъ ей строгій репримандъ, но, взглянувъ на убитое лицо барыни, съ уходомъ дѣвушки потерявшей все и

превратившейся въ ничтожество, онъ смягчается. Въ его рабьемъ сердцѣ пробуждается любовь къ этому безполезному и безтолковому созданію и онъ, пожимая плечами, заканчиваетъ пьесу словами: «Что дѣлать? Надо попробовать какъ-нибудь уладить. Можетъ быть, мнѣ это и удастся?»

Тутъ освобожденіе народа отъ узъ деспотизма и служащей ему бюрократіи исходитъ отъ радикала, отъ интеллигента, сдѣлавшагося рабочимъ,—однимъ словомъ, отъ мыслящаго реалиста, «отъ критически мыслящей личности». Рабочихъ, какъ класса, на сценѣ не видно; они проходятъ гдѣ-то вдали въ образѣ уличныхъ мальчиковъ, оборванныхъ, голодныхъ и безпріютныхъ. Это дѣти народа, о которомъ у него болитъ сердце. Очевидно авторъ не думалъ, чтобы освобожденіе могло исходить отъ этихъ вываренныхъ въ фабричномъ котлѣ и оголенныхъ мальчиковъ. Но зато и освобожденіе, исходящее отъ радикала, представляется автору сомнительнымъ. Занавѣсъ опускается вслѣдъ за словами бюрократа-либерала: «надо уладить какъ-нибудь, авось мнѣ это удастся». И читатель остается въ недоумѣніи; для него вопросъ не рѣшенъ, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ этому ловкачу удастся уладить дѣло монархіи и бѣдный народъ будетъ обманутъ такъ, какъ онъ былъ обманутъ въ 30-мъ, 48-мъ и 70-хъ годахъ. И тогда бѣдные мальчики такъ и останутся ни при чемъ и будутъ продолжать вывариваться въ котлѣ и такимъ образомъ совершатъ ненавистную автору эволюцію.

Сюжетъ третьей пьесы—«Другимъ нельзя» — совсѣмъ иного свойства; тутъ авторъ возвращается къ тѣмъ вопросамъ, которые онъ затронулъ въ «Что дѣлать?»—къ вопросамъ о свободѣ любви. Это пьеса была Николаемъ Гавриловичемъ переписана и ее хотѣли отослать въ Петербургъ. Куда она дѣвалась, я не знаю.

Сюжетъ пьесы довольно сложенъ и запутанъ; дѣйствіе вяло и растянуто; вообще это скорѣе пьеса для чтенія, чѣмъ для сцены, хотя первыя два дѣйствія и довольно сценичны. Содержаніе слѣдующее. Въ глухой, далекой провинціи у одного мелкаго чиновника, самаго обыкно-

веннаго, дореформеннаго закала, взяточника и пьяницы, растетъ красавица дочь, благородное и чистое созданіе. У этой дѣвушки есть уже и женихъ, случайно попавшій на службу въ эту глушь образованный человѣкъ. Дѣло могло бы кончиться бракомъ, и пьесы бы не было, если бы случайная необходимость не заставила жениха уѣхать и отложить бракъ. Онъ уѣзжаетъ, исчезаетъ. О немъ ни слуху, ни духу. Послѣ оказывается, что его письма къ невѣстѣ перехватывались ея же отцомъ, преслѣдующимъ свои цѣли. Дѣло въ томъ, что онъ подкупленъ; у него купилъ дочь богатый баринъ, первое лицо въ этихъ мѣстахъ по связямъ и богатству, которому понравилась дѣвушка при случайной встрѣчѣ. Это настоящій утробистый человѣкъ, ничего на свѣтѣ не знающій выше собакъ и грубаго разврата. Онъ нахально преслѣдуетъ дѣвушку съ согласія ея отца; дѣло доходитъ до заговора насильственнаго ея увоза. Дѣвушка погибла бы несомнѣнно, если бы не явился спаситель. Спаситель этотъ—товарищъ ея жениха, знающій всю исторію и открывающій ей всю гнусность устроенной противъ нея интриги. Медлить нельзя, и потому онъ предлагаетъ ей бѣгство изъ дома отца и фиктивный бракъ, какъ единственное средство спасенія. Она вѣритъ ему и соглашается. Проходитъ годъ или два; фиктивный бракъ обратился въ дѣйствительный, благодарность и уваженіе перешли въ любовь, хотя первая любовь и жива, какъ прежде, и молодая женщина часто груститъ о первомъ избранникѣ своего сердца, которому она отдала свою первую, молодую любовь, и не скрываетъ этой грусти отъ мужа. Послѣдній по типу похожъ на Лопухова; онъ разночинецъ, разрѣшившій трудную задачу жить самостоятельнымъ и ни отъ кого независимымъ трудомъ, не поступаясь своими убѣжденіями. Онъ такъ ловокъ, что управляя всѣми дѣлами богатаго барина, желавшаго взять насиліемъ любовь дѣвушки, ухитряется и послѣ брака не только не разссориться съ нимъ, но даже и приручить его къ своему дому. Онъ съ помощью жены старается нѣсколько облагородить утробистаго человѣка, въ сущности добродушнаго и имѣюща-

го то положительное достоинство, что у него есть извѣстный point d'honneur. Такъ идетъ жизнь, смирно и безъ треволненій. Но вдругъ является незабытый женихъ. Онъ входитъ какъ разъ во время сцены супружеской нѣжности и съ крикомъ: «Значитъ я опоздалъ!» останавливается въ дверяхъ. Начинается мучительная для героини пора; первая любовь вспыхиваетъ съ прежней силой, но вмѣстѣ съ тѣмъ она сознаетъ полную невозможность для себя оставить мужа, котораго тоже любитъ попрежнему. Молодая женщина изнемогаетъ въ борьбѣ этихъ двухъ привязанностей, одной—порывистой и страстной, а другой—тихой и нѣжной. Ей помогаетъ мужъ. Она возмущается сначала, когда онъ дѣлаетъ намеки на единственный возможный исходъ. Наконецъ, онъ высказывается прямо. «Милая дѣвушка!—приблизительно такъ говоритъ онъ ей—милая дѣвушка, ты таешь, потому что любишь и меня и его. Бросить меня ты не можешь, потому что любишь; разлюбить его тоже не можешь. Исходъ ясенъ. Для другихъ онъ невозможенъ, другимъ нельзя, а тебѣ можно, потому именно, что ты милая дѣвушка. Ты женщина, но по чистотѣ и ясности чувства ты дѣвушка. Согласись же на мой исходъ, хотя и будемъ помнить, что другимъ нельзя!» Занавѣсъ падаетъ, и зритель догадывается, что исходъ и произошелъ именно въ направленіи послѣдняго монолога.

По задачѣ непосредственно къ пьесѣ «Другимъ нельзя» примыкаетъ повѣсть «Тихій голосъ», которой Чернышевскій, сколько помнится и началъ цѣлый рядъ разсказовъ, повѣстей, этюдовъ, частью написанныхъ имъ въ теченіе нашей совмѣстной съ нимъ жизни, а частью только задуманныхъ и разсказанныхъ намъ. По манерѣ письма, по постановкѣ самаго вопроса, по интересу возбуждаемому въ читателѣ, эта повѣсть сильно отличается отъ комедіи. Она была написана такъ тепло, такими мягкими полутонами, что я не усомнился бы признать ее за настоящее художественное произведеніе, если бы конецъ не былъ слишкомъ—какъ бы сказать—неподходящъ къ обычнымъ условіямъ нашей дѣйствительной жизни. Впрочемъ, я дол-

женъ оговориться, что повѣсть эта мнѣ была извѣстна по черновому наброску, по которому читалъ ее намъ Чернышевскій, при чемъ конецъ даже не былъ написанъ, а просто разсказанъ. Послѣ онъ ее передѣлывалъ и переписывалъ; не знаю, быть можетъ, даже испортилъ— это съ нимъ случалось. Но въ началѣ повѣсти было видно знаніе авторомъ настоящей жизни, жизни разночинца дореформенной эпохи, мелкаго губернскаго чиновника, священническаго сына или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Героиня повѣсти такая же кисейная барышня, какъ и Леночка Помяловскаго, но гораздо умнѣе, развитѣе и образованнѣе. Она кончила курсъ въ институтѣ и прямо съ институтской скамейки была перенесена въ маленькій провинціальный городокъ. Что было дѣлать дѣвушкѣ, стоящей, несмотря на свои кисейныя свойства, цѣлой головой выше міра этихъ героевъ и героинь канцелярій и праздничныхъ пироговъ? А другого міра нѣтъ, не припасено жизнью для начинающей думать кисейной барышни, для ея кроткаго, любящаго сердца. Выйти замужъ— таковъ обыкновенный исходъ. И женихи были, и даже, по обыкновенію, хорошіе, т. е., не пьющіе, получающіе недурные оклады и не совсѣмъ уже дикообразные. И родители, тоже по обыкновенію, вымучивали у нея согласіе, пугая долей старой дѣвы. Страшная это доля для кисейной барышни, да что же дѣлать, коли у ней не лежитъ сердце къ этимъ женихамъ? Заниматься обученіемъ дѣтей, саморазвитіемъ и пр. и пр.? Все это прекрасно, но она не была бы и кисейной барышней, если бы могла заниматься этимъ. А вѣдь и кисейная барышня имѣетъ право на жизнь, на счастье. Какъ ей въ провинціальной жизни реализировать это право? Она блѣднѣетъ, худѣетъ; начинается малокровіе; знакомые доктора, съ которыми совѣщаются встревоженные родители, почти прямо указываютъ на бракъ, какъ на средство излѣченія. Кандидатка на званіе старой дѣвы готова, и кандидатка несчастная и вмѣстѣ съ тѣмъ прелестная, потому что въ ней такъ много женственныхъ силъ, созданныхъ на радость людямъ, а не на горе ихъ обладательницѣ.

3

Сюжетъ, какъ видите, достойный кисти В. Крестовскаго. Чернышевскій разработалъ его не съ меньшею теплотой, но съ большею оригинальностью. Появляется, наконецъ, и просвѣтъ—увлеченіе, юношеское, робкое, прелестное. Это не любовь, а скорѣе жалость, глубокая жалость къ существу еще болѣе несчастному, чѣмъ героиня „Тихого голоса". Въ этомъ же городкѣ живетъ молодой человѣкъ, про котораго идетъ странная молва, о которомъ благодушные обыватели говорятъ не иначе, какъ отплевываясь и открещиваясь. Онъ—свободный человѣкъ, богатый помѣщикъ, образованъ европейски, говоритъ Богъ знаетъ на сколькихъ языкахъ и притомъ волтерьянецъ. Да и не только волтерьянецъ, а горькій пьяница и развратникъ. У него какая-то цыганка живетъ, у него устраиваются дикія оргіи, чуть не аѳинскіе вечера. Однимъ словомъ ужасъ. Въ сущности же это просто скромный и изломанный молодой человѣкъ, совсѣмъ не маленькій Байроникъ, не Гамлетикъ Щигровскаго уѣзда, а просто неумѣлый и несчастный идеалистъ, навѣкъ и безвозвратно погрязшій въ тинѣ, потому что идеалисту и дѣлать-то нечего въ этомъ болотѣ, да и уйти-то некуда. Это нѣчто въ родѣ Бурмакина (Пошех. старина), только спившагося до чахотки, до полнаго истощенія силъ. Типъ такого человѣка 40-хъ годовъ очень оригиналенъ, и до появленія вышеупомянутаго очерка Салтыкова никто до Чернышевскаго не подходилъ съ такой точки зрѣнія къ людямъ 40-хъ годовъ. Понятно, какимъ ореоломъ страданія, несчастья окружила его неудовлетворенная и романтическая героиня «Тихаго голоса», какія романтическія перспективы подъема духа, раскаянія, исправленія, новой чистой жизни открылись передъ ея возбужденной и незанятой головой. Еще не видавъ его, она уже признала его своимъ, объектомъ своей жалости и поддержки. Наконецъ, они знакомятся. Ему тоже отрадно съ ней; просто молодость, свѣжесть ея дѣйствуютъ, поговорить есть съ кѣмъ. Но онъ уже такъ погрязъ въ тинѣ, такъ сильно разбилъ свою грудь и нервы, что исправиться и перестать пить для него невозможно. Онъ даже своей цыганки бросить не можетъ, хотя женщины

для него больше не существуютъ, какъ женщины; онъ просто привыкъ жить вмѣстѣ. Но при этомъ онъ честный человѣкъ; губить увлекающуюся дѣвушку, связавъ съ своей разбитой жизнью ея еще полную силъ жизнь, онъ не хочетъ. Такъ онъ и говоритъ ей, когда она чуть ли не сама ему навязывается въ подруги жизни; романъ прерванъ въ самомъ началѣ. Спившійся Бурмакинъ идетъ умирать медленною смертью въ свою смердящую берлогу, а героиня остается опять одна съ своей безпредметной тоской, съ своимъ жаждущимъ любви сердцемъ, которое ей положительно некуда пристроить. Какой прелестный этюдъ вышелъ бы, если бы Чернышевскій на этомъ и кончилъ. Такъ вѣдь обыкновенно бываетъ въ жизни съ этими тихими голосами. Но онъ продолжилъ свой этюдъ. У дѣвушки, все болѣе и болѣе переходящей въ положеніе старой дѣвы, остается еще одна надежда—это ея братъ. Онъ живетъ въ столицѣ, кончаетъ гдѣ-то курсъ, пишетъ роднымъ рѣдко, не пріѣзжаетъ на каникулы, потому что у него все какія-то дѣла, и, несмотря на то, что родители ему не даютъ ничего на его воспитаніе, онъ ухитряется иногда присылать деньги сестрѣ на ея мелкіе расходы. Наконецъ, онъ пріѣзжаетъ на время, повидаться съ родными. Это дѣлецъ Лопуховскаго типа, сумѣвшій, въ концѣ-концовъ, очень недурно устроиться въ столицѣ. Онъ приходитъ въ ужасъ при видѣ больного и исхудавшаго лица сестры, но успокаиваетъ мать, съ горемъ разсказывающую о ея болѣзни, и уговариваетъ ее отпустить сестру къ нему. Дѣвушка сразу переносится въ новую жизнь. Она окружена молодежью, которая обращается съ ней, какъ съ товарищемъ, съ сестрой, пожалуй, какъ съ доброй теткой. Она уже и дѣйствительно по годамъ тетушка имъ и держится съ ними соотвѣтственно. Но она все-таки еще такъ молода, сердце ея еще такъ жаждетъ любви, наконецъ, она не даромъ была кисейной барышней—она женщина по преимуществу. И вотъ въ одну лунную ночь, послѣ прогулки на лодкѣ или въ какомъ-то саду, гдѣ липы цвѣтутъ, соловьи поютъ, героиня «Тихаго голоса» поздно возвращается домой, взволнован-

ная и имѣетъ серьезный разговоръ съ братомъ наединѣ. Черезъ нѣсколько дней является одинъ изъ бывавшихъ у нихъ юношей съ смущеннымъ видомъ, во фракѣ, въ перчаткахъ и проситъ у брата руки его сестры. Братъ сначала смѣется надъ нимъ, потомъ говоритъ серьезно и отказываетъ: «Вы скоро кончаете курсъ,—говоритъ онъ ему,—и уѣзжаете отсюда. Подумайте, что вы будете дѣлать съ женой, которая чуть не вдвое васъ старше. Вѣдь вы будете несчастны сами и сдѣлаете несчастной и ее. Продолжайте ходить къ намъ и любите сестру, пока любится, я вамъ не мѣшаю. Но брака я не допущу, да она и сама не хочетъ. Я говорилъ съ ней, поговорите сами». Героиня повторяетъ юношѣ почти то же. Жизнь идетъ по старому, въ нее вошелъ только одинъ новый элементъ—любовь спокойная и ровная, почти материнская. Послѣ, юноша уѣхалъ, его смѣнилъ другой. И героиня долго живетъ у брата; тотъ даже когда женится, то ставитъ условіемъ своей будущей женѣ полную свободу сестры.

Таковъ сюжетъ «Тихаго голоса». Несомнѣнно, что и его героиня и героиня «Другимъ нельзя» поступаютъ не совсѣмъ корректно. Но что же имъ дѣлать, если жизнь поставила ихъ въ такія противоестественныя условія. Вѣдь не умирать же въ самомъ дѣлѣ изъ-за пустяковъ. Эти «тихіе голоса» жизни какъ будто кричатъ ей: «Мы, можетъ быть, поступаемъ не совсѣмъ корректно; но мы не виноваты въ этомъ; мы имѣемъ право на жизнь, на личное счастье такъ же, какъ и другія». Всякій имѣетъ право на это. Для автора на первомъ планѣ вездѣ личность и ея счастье, и онъ протестуетъ противъ всего, что нарушаетъ права личности на счастье,—противъ нравовъ, учрежденій, предразсудковъ.

Головачева въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что романъ Чернышевскаго «Что дѣлать?» имѣлъ громадный успѣхъ. Такъ это и было; мы, жившіе въ то время, помнимъ этотъ успѣхъ, но, надо сознаться, что до значительной степени это былъ succès du scandale.

Даже благорасположенные люди были склонны видѣть въ авторѣ систематика-утописта и не разсмотрѣли кри-

тика, срывающаго съ чувства любви мистическіе покровы средневѣковаго идеализма. Систематикомъ-утопистомъ въ этомъ вопросѣ Чернышевскій несомнѣнно былъ—я считалъ бы себя недобросовѣстнымъ мемуаристомъ, если бы не упомянулъ объ этой его системѣ; поскольку онъ выражалъ ее въ разговорахъ, она заслуживала опроверженій, была утопична. И дѣйствительно, часто мы спорили о ней. Но надо умѣть отдѣлять основное зерно системы отъ ея часто фантастической оболочки. А зерно было вотъ въ чемъ: надо попроще смотрѣть на дѣло, надо дать личности жить и наслаждаться сообразно ея натурѣ и естественнымъ ея склонностямъ, надо больше уважать самое личность и ея права на счастье, и потому надо снять съ чувства любви его идеалистическій ореолъ. Совсѣмъ уже не такую важную роль въ жизни индивидуума играетъ оно, чтобы на преувеличенномъ понятіи о его святости строить цѣлыя системы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, оно все-таки столь интенсивно, что лишать человѣка права любить, какъ онъ хочетъ, значитъ лишать его счастья. Далѣе несомнѣнно и то, что половая страсть и интеллектуальное развитіе обратно пропорціональны, и потому-то задача всякаго думающаго человѣка должна состоять въ подчиненіи своей страсти страсти другого, въ извѣстнаго рода самоотреченіи и самоограниченіи. Всегда было и всегда будетъ такъ, что типы, живущіе умственною жизнью, вялы и на практикѣ, хотятъ они этого или не хотятъ, должны подчиняться типамъ эмоціональнымъ. Это законъ физіологическій и психологическій, чтобы эмоціональные типы вели житейскій поѣздъ. Поэтому нечего прикрывать этотъ законъ фиговымъ листомъ, а лучше стараться поступать сообразно съ нимъ. Потому-то мужчина въ извѣстныхъ отношеніяхъ и долженъ подчиняться женщинѣ, какъ типу, болѣе его эмоціональному. Въ этомъ послѣднемъ положеніи, которое Чернышевскій часто развивалъ въ разговорахъ съ нами, я и вижу весь дефектъ его системы, поведшій его къ совершенно фантастическимъ построеніямъ. По-моему совсѣмъ не доказано, чтобы женщина была болѣе эмоціональна отъ природы и чтобы для нея не дѣй-

ствовалъ законъ обратно пропорціональнаго отношенія страсти и разума, — законъ, на которомъ Чернышевскій даже строитъ свои возраженія противъ мальтузіанства.

Какъ бы то ни было, я считаю своимъ долгомъ передъ памятью дорогого мнѣ человѣка сказать эти нѣсколько словъ о философскихъ основахъ его ученія о половой любви и половой нравственности, и надѣюсь, что читатель не сочтетъ ихъ за излишнее отступленіе.

Головачева въ своихъ воспоминаніяхъ сообщаетъ, что романъ «Что дѣлать»? былъ написанъ прямо набѣло, безъ черновой и безъ помарокъ. Также былъ написанъ и другой большой романъ Чернышевскаго, по объему еще большій, чѣмъ «Что дѣлать?», а именно «Прологъ къ прологу». Такъ вообще писалъ Чернышевскій свои произведенія, какъ серьезныя публицистическія, такъ и беллетристическія: фраза за фразой, страница за страницей, безъ помарокъ, ровнымъ и четкимъ почеркомъ, текли непрерывно, какъ рѣка по ровному руслу. Только зная характеръ его творчества, можно понять его необычайную плодовитость и удивительную чистоту его работы. Дѣло въ томъ, что творческая фантазія Чернышевскаго была просто изумительна. Если бы достоинства художественнаго творчества зависѣли только отъ фантазіи, то Чернышевскій былъ бы достоинъ стоять на ряду съ самыми великими художниками. Но та же плодовитая фантазія играла съ нимъ дурныя штуки, увлекая его въ такія запутанности интриги и очерковъ характеровъ, что иногда приходилось изумляться извѣстнаго рода безсилію этого могучаго мозга въ дѣлѣ художественнаго творчества. Дѣло въ томъ, что у него не было чувства художественной мѣры, архитектура его большихъ произведеній была невозможная и, что еще хуже для художника, у него не было знанія реальной жизни во всей ея широтѣ. Кругъ его изученій былъ громадный, но въ него не входило изученіе живыхъ людей разныхъ типовъ, разныхъ общественныхъ наслоеній, разныхъ слоевъ. Если бы всѣ его произведенія, которыя я реферировалъ и буду реферировать дальше, были напечатаны, они имѣли бы не-

сомнѣнно успѣхъ, но только такой же, какой имѣлъ и его романъ. Особенно приходилось удивляться богатству его фантазіи въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не читалъ написанное, а просто разсказывалъ. Это случалось довольно часто; въ этомъ отношеніи онъ насъ даже сильно избаловалъ. Бывало мы самымъ наивнымъ образомъ просили у него разсказать какую-нибудь исторійку, и онъ отказывалъ рѣдко и начиналъ «творить». Ровно шла его рѣчь, безъ перерывовъ развивалась интрига, часто довольно сложная, появлялась сѣть лицъ, часто тонко задуманныхъ, излагался психологическій анализъ, иногда довольно сложный. И все это безъ обдумыванія, безъ приготовленія, прямо съ перваго абпуга, посредствомъ какого-то необыкновеннаго вдохновенія. Это были какія-то вдохновенныя импровизаціи, которыя слушались такъ, какъ читается романъ, надъ которымъ авторъ не мало посидѣлъ и поработалъ. До чего удивительна была живость фантазіи Николая Гавриловича и его способность заставлять ее переноситься съ одного предмета на другой, это доказываетъ слѣдующій случай.

Разъ онъ пришелъ къ намъ и сообщилъ, что онъ придумалъ сюжетъ для разсказа, и прибавилъ, что если мы узнаемъ въ этомъ сюжетѣ заимствованіе или переработку, то онъ разсказывать не будетъ. Онъ началъ разсказъ, но черезъ полчаса я сказалъ ему, что, по моему мнѣнію, это передѣлка одного изъ эпизодовъ «Исповѣди» Руссо на русскую жизнь. Я угадалъ, и разсказъ былъ прерванъ; остальная компанія была огорчена и раздосадована. Николай Гавриловичъ вышелъ не больше какъ на $^1/_4$ часа; не успѣлъ я въ краткихъ словахъ разсказать товарищамъ, въ чемъ состоитъ этотъ эпизодъ, какъ онъ явился и со словами: «ну, мнѣ сейчасъ пришло въ голову другое!» началъ новый разсказъ. Предметомъ этого разсказа была ревность, это чудовище, котораго такъ боялся Отелло. Сюжетъ простъ и несложенъ. Въ Венгріи возстаніе близится уже къ концу, гонведовъ преслѣдуютъ, какъ дикихъ звѣрей, вездѣ ходятъ отряды австрійскихъ войскъ. Въ одномъ изъ замковъ живетъ старикъ-баронъ, бывшій

генералъ-фельдцейгмейстеръ австрійской службы. Онъ венгерецъ, но притомъ самый ярый вѣрноподданный Габсбургскаго величества и врагъ повстанцевъ, среди которыхъ однако есть родственники и знакомые. Дочь его, напротивъ, ярая патріотка; въ числѣ повстанцевъ находится и ея любимый женихъ, какой-то графъ, приговоренный уже военнымъ судомъ къ смерти и разыскиваемый. Вдругъ близъ мирнаго замка начинается смятеніе и шумъ; появляются войска; какой-то молодой человѣкъ, очевидно преслѣдуемый, незадолго до этого вбѣжалъ въ замокъ, и его-то преслѣдуетъ отрядъ солдатъ. Къ счастью, его видѣла только дѣвушка и спрятала въ своей спальнѣ съ полною увѣренностью, что тамъ его искать не будутъ. Офицеръ отряда входитъ въ замокъ и почтительно сообщаетъ старому барону, что они увѣрены, что молодой повстанецъ непремѣнно въ замкѣ и вѣроятно скрытъ кѣмъ-нибудь изъ прислуги. Баронъ оскорбленъ въ своихъ чувствахъ вѣрноподданнаго и требуетъ обыска своего замка. Замокъ тщательно обшариваютъ, но когда офицеръ доходитъ до спальни баронессы, то она становится въ дверяхъ и хладнокровно заявляетъ, что это ея комната. Офицеръ почтительно кланяется и уходитъ. Въ комнатѣ дѣвушки бѣглецу приходится провести нѣсколько дней, пока она не находитъ случая дать ему средства бѣжать. Они ночуютъ въ одной комнатѣ, при чемъ оказывается, что онъ близкій знакомый ея жениха и можетъ сообщить ей, что тотъ въ безопасности и, вѣроятно, теперь за границей. Дальнѣйшее дѣйствіе происходитъ въ Лондонѣ, куда баронесса пріѣхала къ своему жениху. Они женились и счастливо проводятъ медовый мѣсяцъ. Но скоро въ ихъ счастьи появляется черная точка въ видѣ ревности молодого. Жена, не подозрѣвая его ревнивой натуры, разсказала ему исторію съ бѣглецомъ, при чемъ не скрыла отъ него, что бѣглецъ молодъ, красивъ и уменъ. Этого зерна достаточно для развитія страшнаго чувства. Вся очевидность противъ какихъ-либо подозрѣній, молодая не видала бѣглеца съ той поры, даже не знаетъ, кто онъ, и совсѣмъ имъ не интересуется. Но однако она провела нѣ-

сколько ночей въ одной комнатѣ съ молодымъ человѣкомъ, не славящимся къ тому же суровою добродѣтелью (по разсказамъ жены графъ сообразилъ, кто это). Начинаются такія страшныя минуты, такія нелѣпыя подозрѣнія и бурныя раскаянія, что молодая графиня не выдерживаетъ и зарѣзывается. Послѣ этотъ разсказъ былъ записанъ Чернышевскимъ и помѣщенъ въ число разсказовъ, которые должны были дополнить продолженіе «Прологъ къ прологу»,—въ романѣ «Разсказы изъ бѣлаго дома», и онъ стоилъ того, чтобы быть записаннымъ. Психологическій анализъ былъ сдѣланъ замѣчательно тонко и правдиво. И замѣтьте, что онъ дѣлался безъ предварительнаго обдумыванія.

Самымъ крупнымъ по объему произведеніемъ Николая Гавриловича за время ссылки была трилогія, изъ которой была написана и уцѣлѣла 2-я часть «Прологъ къ прологу». Первая часть «Введеніе къ прологу къ прологу» не была написана, а только разсказана намъ; а 3-ю часть:—«Разсказы изъ бѣлаго дома»—онъ начиналъ нѣсколько разъ, писалъ для нея отдѣльныя части, и въ концѣ-концовъ, уже бывши на Вилюѣ, сжегъ. Сюжетъ этой трилогіи не поддается разсказу, потому что собственно не было и сюжета, не было ни центральныхъ личностей, ни единой интриги. Лицъ была масса; они являлись, вступали въ тѣ или другія отношенія между собой и потомъ опять исчезали. По манерѣ письма «Прологъ къ прологу» былъ похожъ на англійскіе сенсаціонные романы. Неудержимая фантазія тутъ чуть не въ каждой главѣ играла съ авторомъ дурныя штуки, громоздя эпизодъ на эпизодъ, сцену на сцену, личность на личность. Этотъ романъ, если и любопытенъ почему-нибудь, то только потому, что въ немъ несомнѣнно присутствіе автобіографическихъ и біографическихъ чертъ. Центральная фигура романа, Волгинъ, несомнѣнно напоминаетъ самого автора по многимъ чертамъ наружности, характера и, пожалуй, жизни. Но эта центральная фигура вышла страшно блѣдна. И Волгинъ и его жена, изъ которой авторъ, очевидно, желаетъ сдѣлать необыкновенную героиню, идеалъ женскаго

независимаго типа, въ сущности совершенно пассивны. Около нихъ вертятся другіе персонажи романа, но Волгинъ, несмотря на свой умъ и образованность, выходитъ просто ученымъ простофилей, какимъ онъ себя постоянно и обзываетъ (черта автобіографическая), а его жена—какой-то провинціальной кумушкой, вездѣ лѣзущей, устраивающей и разстраивающей разныя любовныя интриги другихъ, до которыхъ по настоящему-то ей не было бы никакого дѣла. Левицкій (Добролюбовъ) еще хуже; тутъ фантазія Николая Гавриловича сыграла съ нимъ уже совсѣмъ нехорошую штуку. Авторъ, очевидно, любитъ этого героя своего романа, хочетъ изобразить въ немъ противовѣсъ Волгину по натурѣ, стоящій на цѣлую голову выше послѣдняго, хочетъ сказать читателю: любуйтесь Левицкимъ; какая это нѣжная, страстная и глубокая натура, и этого пробуетъ добиться изображеніемъ разныхъ чисто амурныхъ похожденій и поползновеній Левицкаго, да притомъ часто и не совсѣмъ чистоплотнаго свойства. Выходитъ Богъ знаетъ что: не то какой-то слюнтяй, не то простой юбочникъ. Вообще въ этомъ романѣ въ самой сильной степени проявилось отсутствіе художественнаго такта автора. Основной темой «Прологъ къ прологу» сначала служитъ крестьянское дѣло въ столицѣ, во время призыва губернскихъ депутатовъ, и разныя вообще теченія появившіяся въ тогдашнемъ интеллигентномъ обществѣ. И эта часть очень любопытна и читается съ захватывающимъ интересомъ. Тутъ роли разныхъ элементовъ чиновнаго, литературнаго и просто культурнаго столичнаго общества складываются въ широкую картину, которая, вѣроятно, будетъ прочитана съ удовольствіемъ и теперь, такъ какъ она имѣетъ даже историческій интересъ. Особенно хороша сцена обѣда у одного очень высокопоставленнаго или, вѣрнѣе сказать, очень вліятельнаго въ крестьянскомъ дѣлѣ лица,—обѣда, на который приглашаютъ и Волгина въ качествѣ краснаго пугала для губернскихъ депутатовъ. Ученый простофиля прекрасно понимаетъ поставленную ему западню, смѣется надъ собой и другими, потому что уже не вѣритъ

въ самое дѣло, принявшее совсѣмъ не тотъ оборотъ, какой оно должно бы было принять, но все-таки идетъ на обѣдъ.

Для этого ему шьютъ фракъ, первый и единственный въ его жизни, и онъ, стоя въ амбразурѣ окна въ пышныхъ анфиладахъ сановника, въ смущеніи и разсѣянности ощипываетъ богатую бахрому изящныхъ занавѣсей и обсыпаетъ ею свой новый фракъ. Его обчищаютъ и усаживаютъ за столъ. Онъ долго молчитъ; хозяинъ уже начинаетъ разочаровываться въ немъ и въ своемъ планѣ заставить его сыграть роль пугала; но когда начались рѣчи о дворянской обидѣ и пророчества разныхъ мужицкихъ неистовствъ, онъ совершенно незамѣтно для себя увлекается и играетъ въ руку хозяина, выкрикивая что-то о мужицкомъ топорѣ. Хозяинъ и наиболѣе вліятельные гости, его соумышленники въ дѣлѣ, съ торжествомъ переглядываются, какъ будто бы хотятъ сказать испуганнымъ степнякамъ: «Смотрите, какіе у насъ здѣсь люди имѣются. Это общественное мнѣніе. Уступки ему необходимы». Обѣдъ кончается полуофиціальнымъ тостомъ хозяина, въ которомъ онъ высказываетъ умѣренную программу дѣйствій, требуетъ для нея, въ виду развитія крайнихъ мнѣній, единодушной поддержки со стороны депутатовъ, за то обѣщая имъ спокойствіе и безопасность. Въ этой же части прекрасны и многія другія детали и личности, напр., личность драгунскаго офицера Соколовскаго, очень ловко преслѣдующаго опредѣленныя и хорошія цѣли въ военномъ министерствѣ (эта личность тоже списана съ живого лица) [1]), либеральничающаго, или даже радикальствующаго профессора-писателя, который съ таинственнымъ подмигиваніемъ выспрашиваетъ у Волгина, что онъ привезъ изъ Лондона отъ Александра Ивановича, и пр. [2]). Первая часть «Прологъ къ прологу», повторяю,

---

[1]) Съ извѣстнаго появленія вождя польскаго возстанія 63 года Сѣраковскаго, повѣшеннаго въ Вильнѣ Муравьевымъ. Чернышевскій зналъ и видимо любилъ Сѣраковскаго, считая его дѣльнымъ человѣкомъ. Онъ много разсказывалъ о немъ.

[2]) Съ профессора Кавелина. Отношеніе Чернышевскаго къ Кавелину, какъ типичному либералу 60-хъ годовъ, ярко отразилось и въ романѣ.

интересна и романъ обѣщалъ быть широкой исторической картиной тогдашней общественной сумятицы; но съ появленіемъ Левицкаго все это исчезаетъ, и на сценѣ остается одинъ онъ со своими скучными и часто довольно противными, отчасти по приторности, а отчасти по порнографичности, изліяніями. Весь романъ, въ концѣ-концовъ, сводится къ очень растянутому и скучному дневнику Левицкаго. Въ этой части любопытна по оригинальности только одна личность—дѣвушка изъ народа, бывшая крѣпостная барина-аристократа, душевный міръ которой съ самыхъ малыхъ лѣтъ сложился такимъ нелѣпымъ образомъ, что идеаломъ счастья для нее сдѣлалось стать во что бы то ни стало метрессой своего барина. Дальше этотъ идеалъ расширяется; дѣвушкѣ пришлось прожить въ Парижѣ модисткой; тамъ она провела бурную молодость, но сильно развилась умственно; однако, вернувшись, она приходитъ къ тому же идеалу, который завладѣлъ ея дѣтскимъ умомъ. Она становится метрессой и тутъ сходится съ Левицкимъ, учится, думаетъ; ей хотѣлось бы теперь уже другого исхода; она видитъ искреннее увлеченіе Левицкаго, понимаетъ широту его взглядовъ, въ которой и есть настоящее счастье, но вернуться ей уже поздно; ея сердце пусто, оно отжило, и дѣвушка дѣлается женой своего барина, живетъ безъ счастья и жизни, дѣлая много

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что „Прологъ къ прологу“ появился въ печати далеко не въ томъ видѣ, какъ онъ выходилъ у автора въ процессѣ его творчества; онъ гораздо короче, многія ярко нарисованныя фигуры отсутствуютъ, да и вся картина общественной жизни того любопытнаго времени вышла куда блѣднѣе, чѣмъ въ первой редакціи. Чернышевскій былъ публицистъ чистѣйшей воды и потому при передѣлкѣ написаннаго сразу только портилъ свое произведеніе если и не художественное, то всегда интересное. Такъ, кажется, случилось и съ его „Разсказами изъ бѣлой залы“, которые онъ, говорятъ, возстановлялъ или, лучше сказать, сызнова писалъ въ Саратовѣ подъ заглавіемъ: „Вечера у княгини Бѣлозерской-Бѣлоседьской“. Оторванные отъ основной темы выработки основъ новой „Утопіи“, эти разсказы по словамъ лицъ, читавшихъ ихъ, производятъ просто комическое впечатлѣніе. Я судить объ этомъ не могу, такъ какъ не читалъ этихъ разсказовъ.

добра, но не признанная никѣмъ, тратя въ пустотѣ богатыя силы своей богатой натуры. Этотъ типъ оригиналенъ и правдивъ въ томъ видѣ, какъ онъ нарисованъ въ «Прологѣ къ прологу». Но все-таки это только деталь въ романѣ и, конечно, не можетъ замѣнить брошенной авторомъ на половинѣ картины общественной жизни.

Первая часть романа «введеніе», какъ я уже сказалъ, совсѣмъ не была написана, а между тѣмъ она, вѣроятно, была бы интереснѣе второй части, потому что тутъ авторъ имѣлъ дѣло со сферами жизни, ему знакомыми. Въ ней изображается пріѣздъ Волгина на родину, его знакомство съ будущей женой (которую, кстати сказать, онъ увидалъ въ первый разъ въ очень необычайной обстановкѣ: спасающей крестьянскаго парня, подъ которымъ подломился ледъ) и разныя встрѣчи съ провинціальнымъ дореформеннымъ обществомъ. Тутъ замѣчателенъ типъ одного человѣка, губернскаго прокурора изъ семинаристовъ, изряднаго негодяя и взяточника, но при этомъ таящаго въ душѣ страшную ненависть къ господствующему тогда классу, къ дворянству. Когда дѣло идетъ о злоупотребленіи помѣщичьей власти, онъ дѣлается неподкупенъ, честенъ и благороденъ. Да и вообще онъ всегда готовъ насолить дворянину. Типъ этотъ очень ярокъ и реаленъ. Первая часть кончается крестьянскимъ бунтомъ, чисто стихійнымъ, гдѣ сила толпы выдвигается безсознательнымъ героемъ-руководителемъ того самаго парня, котораго когда-то спасла Волгина. Прокуроръ, понятно, вмѣшивается, дѣло раздувается до страшныхъ размѣровъ, заваривается страшная каша, въ которой запутана чуть не вся губернія. Но и Волгину, жена котораго косвенно впутана въ эту исторію, приходится уѣзжать въ Петербургъ.

Третья часть трилогіи: «Разсказы изъ бѣлаго дома», или «Академія Ниноны», не была написана; Чернышевскій только задумалъ ее и приготовилъ для нея множество отдѣльныхъ разсказовъ. Дѣло происходитъ уже за границей, на вулканической почвѣ Сициліи, гдѣ-то около Катаніи. Волгинъ съ женой тутъ же; онъ въ началѣ ро-

мана лежитъ на холмѣ и, любуясь развивающейся передъ нимъ въ долинѣ картиной мирнаго труда поселянъ, вспоминаетъ сѣрое небо далекой родины. Ему вспоминается, какъ однажды онъ зашелъ въ одну избу и увидалъ тамъ двухъ работающихъ что-то стариковъ, мужа съ женой, и, спросивъ, что они дѣлаютъ, получилъ въ отвѣтъ: «Отдыхаемъ, кормилецъ, отдыхаемъ!» Онъ думаетъ о томъ, что то, что для интеллигентнаго человѣка было бы довольно тяжелой работой, этимъ несчастнымъ пасынкамъ природы казалось легкимъ отдыхомъ. Но вотъ взоръ его падаетъ на скачущую вдали даму въ амазонкѣ; она такъ счастлива, такъ изящна, такъ художественно прекрасна. Развѣ она не имѣетъ права на жизнь и счастье? Идея романа вся тутъ: счастье—это святой и освящающій человѣка трудъ въ соединеніи съ всестороннимъ развитіемъ личности, живущей полною и потому красивою жизнью. Въ замокъ собирается цѣлая масса самаго разнообразнаго народа: рядомъ съ кровной итальянской аристократкой появляется старая казачка съ Дона, рядомъ съ проблематическимъ существованіемъ незаконной дочери знаменитой вѣнской танцовщицы фигурируютъ герои всемірной революціи, и, наконецъ, многое множество старыхъ знакомыхъ лицъ изъ «Прологъ къ прологу». Всѣ они живутъ въ замкѣ нѣкоей маркизы Бельджіозо, тоже довольно проблематической натуры, по происхожденію русской, а теперь не то авантюристки, не то революціонерки, не то настоящей аристократки. Она отдала всей этой огромной компаніи свой пышный замокъ и устроила тамъ бѣлую залу, въ которой происходятъ засѣданія тайно-явнаго общества—академіи Нинопы. Николай Гавриловичъ потратилъ пропасть времени и труда на описаніе архитектуры замка и роскоши бѣлой залы. Компанія не то просто забавляется, не то дѣлаетъ какое-то дѣло. Личности постоянно появляются и исчезаютъ; они вступаютъ въ сношенія съ реформаторами всѣхъ странъ, очевидно намѣрены сдѣлать какую-то отчаянную послѣднюю попытку мірового преобразованія; участвуютъ если не всѣ, то многіе во всѣхъ европейскихъ движеніяхъ. А пока въ бѣлой залѣ про-

исходятъ спектакли, чтенія разныхъ этюдовъ, иногда научные рефераты,—однимъ словомъ, легкимъ и удобнымъ путемъ рѣшаются разные вопросы личной нравственности и общественнаго переустройства... Дѣло кончается тѣмъ, что компанія, разбитая и разочарованная въ попыткахъ общественной дѣятельности, рѣшается устроить по крайней мѣрѣ свое личное счастье и для этого уѣзжаетъ куда-то на Маркизскіе острова, гдѣ и основываетъ свою коммуну на новыхъ началахъ, выработанныхъ академіей Пиноны. Трудно судить, что вышло бы изъ этого романа, какъ справился бы Николай Гавриловичъ съ задачей создать новую утопію.

Всѣ матеріалы для романа были сожжены Чернышевскимъ на Вилюѣ. Удовлетворяла ли самого Николая Гавриловича эта столь кипучая писательская дѣятельность на поприщѣ беллетристики? Наврядъ ли. Слишкомъ широко было міровоззрѣніе, слишкомъ кипуча была работа его мысли, чтобы онъ могъ серьезно удовлетворяться писаніемъ и разсказываніемъ разныхъ психологическихъ и чисто беллетристическихъ этюдовъ. Онъ часто съ горечью жаловался на то, что по недостатку матеріаловъ онъ не въ состояніи взяться за то, за что ему хочется. А ему хотѣлось писать историческіе этюды. Книгъ было совсѣмъ мало, т.е. книгъ-то было и достаточно, но было мало для справокъ, для собиранія историческаго матеріала: Шлоссеръ, Мотлей, Циммерманъ да Энциклопедическій словарь Брокгауза—вотъ и все. Кстати объ этомъ словарѣ. Припомню одну черту, очень характерную для Николая Гавриловича. Безъ этого словаря обходиться ему было очень трудно, и однако, когда я уѣзжалъ, онъ предложилъ мнѣ взять его. «Когда будете въ состояніи, то выпишите новое изданіе для меня», деликатно прибавлялъ онъ. Но и я, да и самъ онъ отлично знали что это неисполнимо. Понятно, я отказался.

У Николая Гавриловича были любимыя темы, о которыхъ онъ часто говорилъ и о которыхъ хотѣлъ бы писать. Это были историческія эпохи: возрожденія, реформаціи и первыхъ временъ христіанства. Къ нимъ нужно

еще прибавить, какъ любимую тему Николая Гавриловича, изученіе начатковъ конституціонализма на континентѣ Европы. Въ темахъ перваго разряда его интересовали, главнымъ образомъ, мирная жизнь мелкихъ общинъ, гдѣ уже культура и философское образованіе были разлиты среди населенія. Таковы мелкія греческія общины въ первые вѣка нашей эры, итальянскія городскія, а отчасти свободныя республики—города Германіи въ эпоху возрожденія и реформаціи.

О греческихъ общинахъ онъ даже попробовалъ начать этюды полубеллетристическаго, полунаучнаго содержанія. Собственно, это была еще только одна сцена. Изображено было мирное пиршество, братчина, въ небольшомъ греческомъ городкѣ въ честь богини мудрости. Молодежь веселится; пожилые люди, сидя за столами, бесѣдуютъ о дѣлахъ общины и о вновь появившейся среди полусвободныхъ и невѣжественныхъ окрестныхъ поселянъ секты; старики—жрецы и философы—излагаютъ свои ученія, значительно развившіяся, мирныя и имѣющія въ себѣ всѣ элементы новаго и широкаго развитія. Однимъ словомъ, это картина мирной республики Платона, конечно усовершенствованной. Вдругъ столы опрокидываются, обыватели бѣгутъ. Толпа поселянъ, грубыхъ, дикообразныхъ, ворвалась въ городъ подъ предводительствомъ страшнаго, полусумасшедшаго фанатика-пустынника... Этотъ этюдъ былъ оставленъ Чернышевскимъ недоконченнымъ; онъ чувствовалъ, что тутъ требуется такое громадное количество матеріаловъ, которымъ располагать онъ не могъ.

Вообще въ исторіи всѣ симпатіи Чернышевскаго были на сторонѣ культуры, на сторонѣ мирныхъ трудящихся классовъ и на сторонѣ интеллигенціи, даже, если хотите, умственной аристократіи. Это видно и изъ сюжета его романа «Разсказы изъ бѣлой залы». Онъ полагалъ, что исторія часто прерывала развитіе міровой интеллигенціи проявленіями грубой силы невѣжественныхъ массъ, что въ старыхъ, погибшихъ цивилизаціяхъ было накоплено столько культурныхъ пріобрѣтеній, столько знаній, что правильное развитіе и сохраненіе этихъ сокровищъ по-

ставило бы человѣчество неизмѣримо выше, чѣмъ оно стоитъ теперь. Противоположный взглядъ на историческое развитіе человѣчества онъ считалъ ничѣмъ неоправдываемой идеализаціей. По вопросу о ревиваляхъ, о возрожденіяхъ религіознаго чувства онъ стоялъ совершенно на точкѣ зрѣнія матеріалистической школы исторіи. Въ исторіи онъ видѣлъ борьбу и извѣстныя соотношенія экономическихъ силъ и классовыхъ интересовъ, а ревивали были собственно удѣломъ низшихъ классовъ населенія, несчастныхъ и невѣжественныхъ, но жаждущихъ какой-либо духовной жизни, да къ тому же надѣющихся, что та или другая нравственно-религіозная схема внесетъ облегченіе въ ихъ тяжелую жизнь. Этимъ стремленіемъ массъ и пользуются для своихъ цѣлей тѣ или другіе изъ борющихся классовъ, имѣющихъ различные и часто противоположные экономическіе интересы. Однимъ словомъ, для Николая Гавриловича основа исторіи была чисто экономическая [1]). Я помню, съ какой горячностью, и даже необычайною ему въ отношеніяхъ съ нами, рѣзкостью набросился Николай Гавриловичъ на одного изъ товарищей, который высказалъ мнѣніе о расколѣ, какъ очень серьезномъ и подлежащемъ развитію и извѣстному воздѣйствію общественномъ элементѣ. Для Николая Гавриловича только интеллектъ и его воздѣйствіе на интеллектъ имѣли зна-

---

[1]) Изъ моихъ словъ не слѣдуетъ однако дѣлать вывода, что Н. Г. былъ сторонникомъ или, лучше сказать, русскимъ иниціаторомъ экономическаго матеріализма. У него было этого матеріализма ровно столько, сколько его было у Сенъ-Симона или у Луи-Блана. Признавая экономическій факторъ самымъ важнымъ въ исторіи человѣчества, Н. Г. признавалъ вмѣстѣ съ нимъ и творческую дѣятельность интеллекта и роль личности, какъ создающей историческій прогрессъ. Личности и интеллекту онъ отводилъ даже первенствующее мѣсто. Чернышевскаго и Лаврова можно считать истинными создателями такъ называемой русской субъективной соціологической школы. Во многихъ отношеніяхъ его взгляды на исторію совпадаютъ со взглядами извѣстнаго американскаго соціолога Лестера Уорда. Оба они чистые раціоналисты въ духѣ энциклопедистовъ 18-го вѣка.

ченіе; все мистическое было противно его прямой и прямолинейной натурѣ.

Однако я чувствую, что нужно остановиться. Если бы я сталъ записывать все интересное, о чемъ приходилось говорить съ Николаемъ Гавриловичемъ, я бы никогда не кончилъ. Пять лѣтъ—такой большой срокъ, и такъ много переговорилось за это время.

Послѣдніе два года нашего совмѣстнаго пребыванія въ Забайкальѣ получили характеръ нѣсколько отличный отъ изображеннаго выше. Мы стали дальше другъ отъ друга по независящимъ отъ насъ причинамъ. Сначала Николая Гавриловича выпустили на квартиру въ село. Но тамъ онъ прожилъ недолго; случилось происшествіе, не имѣвшее никакого отношенія къ Николаю Гавриловичу и котораго потому я и не буду разсказывать; но Николая Гавриловича опять перевели и уже не въ нашъ домъ, а въ другой, гдѣ онъ жилъ среди совсѣмъ ему несимпатичной компаніи, хотя по старому въ отдѣльной комнатѣ и не нарушая своихъ привычекъ. Правда, мы видѣлись часто; каждый день кто-нибудь изъ насъ приходилъ къ нему. Но время свиданій было уже не такъ продолжительно; мы могли приходить къ нему въ 4 часа и должны были возвращаться домой къ 8-ми. Стало быть, это уже было не то, что прежде. Въ большіе праздники ему было можно приходить къ намъ дня на два, на три и просиживать часовъ до 12-ти, иногда даже ночевать—и эти дни были истинными праздниками для насъ. Но какъ всякіе праздники, эти дни были не особенно часты. Потомъ присоединилось другое условіе, набросившее тѣнь грусти на всю нашу компанію и въ томъ числѣ на Чернышевскаго. Многіе изъ нашего общества начали выѣзжать изъ Забайкалья. Для остававшихся нѣтъ минуты тяжелѣе, какъ разлука съ людьми, уѣзжающими изъ такихъ «Мертвыхъ домовъ». Какъ бы ни была чиста натура остающагося въ такомъ домѣ человѣка, для него минута прощанья непремѣнно бываетъ минутой пробужденія эгоистическихъ чувствъ и безсознательной зависти. Тяжелая рука тихой грусти и апатичнаго унынія начала накладываться на

насъ, оставшихся. Если это уныніе на развилось до нежелательныхъ размѣровъ, то этимъ мы много обязаны Николаю Гавриловичу, поддерживавшему въ насъ бодрость духа, хотя и ему самому было нелегко. Въ это именно время онъ писалъ, читалъ и разсказывалъ намъ «Прологъ къ прологу» и «Разсказы изъ бѣлаго дома». Наконецъ наступила и для насъ минута разлуки. Мы уѣзжали, Чернышевскій оставался. Тутъ-то онъ и проявилъ такое величіе и благородство души, о которыхъ мнѣ и теперь трудно вспоминать безъ слезъ. Даже теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, когда я пишу эти строки, слезы навертываются мнѣ на глаза и застилаютъ зрѣніе...

Ему было тяжело, очень тяжело. Онъ терялъ послѣднее общество привязанныхъ къ нему образованныхъ людей, но онъ бодрился, былъ спокоенъ, веселъ, рисовалъ намъ будущее въ радужномъ свѣтѣ, а у самого сердце обливалось кровью. Послѣ оказалось, что онъ былъ вывезенъ чрезъ недѣлю послѣ насъ и даже на цѣлыхъ пять мѣсяцевъ опередилъ насъ въ прибытіи на мѣсто своего новаго назначеніи, въ городъ Вилюйскъ, гдѣ ему пришлось такъ долго страдать въ одиночествѣ... Тогда мы этого не знали... Но пройдемъ мимо этихъ мрачныхъ воспоминаній.

Послѣ, черезъ пять мѣсяцевъ, мы, т.-е. я и еще одинъ товарищъ [1]), встрѣтились съ нимъ на Вилюѣ. Свиданіе было кратковременно и нерадостно. Замѣчательно то, что, не выразивъ ни однимъ словомъ жалобы на свою судьбу, этотъ благородный человѣкъ былъ страшно огорченъ встрѣчей и горько жаловался на нашу судьбу.

Проходили годы—мы не видались больше. Я зналъ, что Николай Гавриловичъ живъ, здоровъ, что онъ все живетъ въ Вилюйскѣ. Тамъ въ короткое полярное лѣтнее время онъ гулялъ по лѣсу, среди котораго стоитъ Вилюйскъ, копалъ канавку, чтобы спустить въ р. Вилюй озерко, находившееся близъ его дома, а въ длинную полярную зиму читалъ, писалъ и сжигалъ писанное. Это я зналъ; но я не могъ знать, какъ онъ мучается, какъ онъ стра-

---

[1]) В. И. Шагановъ.

даетъ въ одиночествѣ. Объ этомъ я могъ только догадываться. Тамъ, въ этомъ захолустьѣ, постепенно увядалъ его могучій умъ, гибли безъ пользы для людей его разностороннія способности.

Николай Гавриловичъ оставилъ въ нашей литературѣ достаточно глубокій слѣдъ, но только немногіе, близко знавшіе его люди, могли знать, какой слѣдъ онъ могъ бы оставить, какое сердце билось въ его груди. Они до сѣдыхъ волосъ, до могилы будутъ помнить,

Какой свѣтильникъ разума угасъ,
Какое сердце биться перестало.

2994
1906

40

cek-294986

PG
3321
C6Z79

Nikolaev, Petr Fedorovich
Lichnyia vospominaniia

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

34.50 5.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 02 02 08 009 6